

Детство

О жизни нашей семьи мне часто писали и рассказывали старшие сестры – Гаша и Нюра. Многого из того, что мне стало известно о наших предках, я не знал. Хорошо, что память моих сестер сохранила подробности тех лет. Я очень благодарен им за помощь в написании этих страниц!

Предки наши жили на северном Кавказе в станице Отрадное. Как вспоминали мои сестры, фамилия прадедов по отцовской линии якобы была не Калашниковы, а Калашник, а во второй половине девятнадцатого века они, добавив окончание «ов», изменили ее на русский манер.

Дед мой, Александр Владимирович Калашников, был единственным сыном в семье сельского учителя. Мой отец, Тимофей Александрович, родившийся в 1883 году, тоже был единственным сыном у Александра Владимировича и Катерины Тимофеевны.

Моя мама, Александра Фроловна, была из многодетной, зажиточной семьи Кавериных, имевших в роду даже священников. Замуж за Тимофея Калашникова она вышла по любви, но вопреки желанию своих родителей – семья моего отца была хотя и работающая, но небогатая.

Поженившись в самом начале двадцатого века, мои родители сразу же стали строить свой дом – обычный для тех мест саманный (турниковый) дом – «мазанку», завели скот. В 1903 году у них родилась первая дочь Рая, в 1905 – вторая, Агафья (Гаша), а в 1907 – сын Виктор. Жизнь молодой семьи была хоть и в согласии да любви, но трудная. Да и не бывает на селе жизни легкой, беззаботной – не будет у крестьянина достатка без мозолей на руках да бессонных ночей!..

Постепенно семья Калашниковых вставала на ноги – крепло хозяйство, росло подворье. У них появилась и своя сельскохозяйственная техника – веялка «Зингер» и молотилка. Отец всегда мечтал о больших урожаях, но пахотной земли у него для этого было маловато...

Время больших перемен в России не обошло стороной и станицу Отрадное. Когда в начале 1910 года пошел слух о раздаче крестьянским семьям земли в далекой Сибири, многие станичники задумались. Ведь тут, на северном Кавказе, земля хоть и плодородная, но наделы маленькие – большую семью не прокормить!

В том же году только из Отрадного уехало несколько десятков семей – искать свое счастье «за тридевять земель» от родных мест.

Решились на великое переселение и Калашниковы: молодая семья и родители моего отца – Александр Владимирович и Катерина Тимофеевна. Конечно, жаль было покидать родную станицу и навсегда расставаться с многочисленными родственниками, но стали они собираться в дорогу. Дорога предстояла дальняя, и брать с собой нужно только самое ценное, основное: крестьянскую технику, зерно и одежду. Остальное они отдали родным «на хранение» – до той поры, как в Сибири разбогатеют и вернуться домой, в Отрадное. Им тогда очень хотелось в это верить...

Так мои родители с двумя стариками, тремя маленькими детьми – 3,5 и 7 лет от роду – и крестьянским скарбом рискнули отправиться в дальний путь, в новую неизвестную жизнь! Думаю, не просто было решиться на переселение моему отцу Тимофею Александровичу, ведь он, как глава большой семьи, брал на себя все заботы, все волнения, все тревоги. И наверняка за долгое время пути он не спал ночей, задавая себе одни и те же вопросы: «Что за земля там, в Сибири? Плодородна ли она? Можно ли быстро поднять хозяйство на новом месте?» К тому же, в их семье ожидалось рождение четвертого ребенка, а значит и прибавление хлопот...

Мои родители всегда мечтали о большом и крепком крестьянском хозяйстве, о многодетной семье с множеством сынов.

Поэтому они очень надеялись, что на новом месте у них родится мальчик, на которого они получат дополнительный надел пахотной земли. Ведь землю выделяли только на мужские души! Не знаю, сбылись ли тогда их мечты насчет земли, но про сынов знаю точно – сбылись. Правда, значительно позже. А тогда в октябре 1910 года на Алтае у них родилась третья дочь Анна.

Как рассказывала сестра Гаша, до будущего места жительства семья добиралась очень долго, месяца полтора: «Сначала ехали на поездах в «телячьих» вагонах до Ново-Николаевской (Новосибирска), а потом уже до места добирались на конях. Тятя (так мы звали нашего отца), наверно, их купил в Ново-Николаевской...»

Вот так наша семья, покинувшая родные места в поисках лучшей жизни, и оказалась на моей родине в алтайском селе Курья! Почему именно в Курье, сейчас сказать трудно. В тот год многие переселенцы из родной станицы осели именно там. Некоторые из них даже свои дома с Кавказа перевезли!..

Выбрав участок земли для строительства дома на берегу небольшой, быстрой речки Локтевка, родители начали обживать на новом месте: строить дом, подворье, возделывать полученную пахотную землю, выращивать скот. Огород разбили за домом, с выходом на речку: и с поливкой удобно, и дети всегда будут под присмотром. Работали всей семьей с раннего утра и до поздней ночи, стараясь поскорее поднять хозяйство. В семье, наконец-то, один за другим появились долгожданные сыновья – Иван и Андрей.

За многочисленными крестьянскими проблемами и заботами и не заметили Тимофей Александрович и Александра Фроловна, как в 1917 году в Россию пришла революция. Та самая, которая обещала «освободить их от каторжного труда и дать волю, землю и счастье».

Революция – обещала, а крестьянское хозяйство – обязывало! Некогда было Тимофею Александровичу вникать в революционные изменения. Главная забота крестьянина – прокормить семью. А семьи у многих тогда были большие – ведь в то время дети появлялись без особых раскладок и планов, «как Бог даст». Они, конечно, добавляли родителям забот, но и

давали надежду на будущее: когда подрастут – работников в хозяйстве будет больше!

Моя мама, Александра Фроловна, родила восемнадцать детей, но из них выжило лишь восемь – две девочки Агафья (Гаша) и Анна (Нюра) и шесть мальчиков – Виктор, Иван, Андрей, Михаил, Василий и Николай. Моя старшая сестра Рая умерла от тифа в возрасте восьми лет, вскоре после переезда семьи на Алтай. Остальные дети умирали, часто не дожив и до года. Сейчас в это трудно даже поверить, но тогда детская смертность в России была очень высокая.

Помню, как мама, приехавшая в гости к нам в Ижевск, рассказывала о тех временах, о моих детских годах и о себе моим маленьким дочерям. Отвечая на их вопрос, сколько же всего у нее было детей, она принималась считать с помощью пальцев рук, называя каждого ребенка по имени:

– Параня, Гаша, Николай, Виктор, Иван, Нюра, Николай, Иван, Николай, Андрей, Михаил, Василий, Татьяна, Николай...

Девочки удивленно возражали ей:

– Бабушка, ты почему-то назвала двух Иванов и трех Николаев!

Мама с грустью объясняла им:

– Да это потому, что те, первые, умерли!.. Да и ваш-то отец чуть не помер! Миша в детстве был очень слабым, все болезни к нему так и приставали. Благо, в рубашке родился!..

В нашей семье часто вспоминали о моем рождении, говоря: «Наш Миша родился в рубашке... прямо в сенях!»! Вот так, холодным осенним днем 10 ноября 1919 года, я и пришел в этот мир...

Моя мама всегда жила в постоянных и нескончаемых работах по дому. И в тот день, принеся воду из колодца, она едва успела поставить ведра на привычное место и повесить коромысло на гвоздик, как тут же в сенях и произвела на свет мальчика, которого называли Мишей.

Родился я хилым и очень болезненным ребенком. Как говорили родные, не было такой болезни, которой бы я ни болел. Все детские болезни, буквально одна за другой, а то и сразу несколько, уживались в моем и без того слабом тельце.

Будучи еще совсем маленьким, я чуть было не помер. Настолько тяжело я тогда болел, что наступил момент, когда родители стали сомневаться, дышу ли я? Они поднесли легкое куриное перышко к моему носу, проверяя дыхание. А так как оно даже не шелохнулось, то решили, что жизнь моя остановилась...

Тут же, как часто бывало в деревнях, в нашем доме появился деревенский плотник и, замерив палочкой мой рост, вышел во двор мастерить гробик. И вдруг я начал подавать признаки жизни. Что тут началось! Бабушка бросилась к иконам читать благодарственные молитвы, а радостные родители побежали к плотнику со словами: «Жив! Жив!» Тот же, прекратив стучать топором, даже выругался в сердцах – не то на меня, не то на родителей, которые не могут определить, жив ли их ребенок?

Этот случай не прошел для меня без последствий. В Курье о нем вспоминали не раз. И мне всегда было очень обидно, если кто-то, рассердившись на меня, вдруг говорил: «Ты уже с детства научился притворяться!»

Еще одна детская болезнь оставила о себе долгую память: когда мне было около пяти лет, заболел я оспой. Все мое тело покрылось мелкой сыпью, не дававшей покоя ни днем, ни ночью. Мне очень хотелось ногтями расчесать, разодрать все эти пузырьки на коже. Родители, пытаясь меня остановить, повторяли: «Если ты будешь чесаться, то станешь таким же рябым, как соседская девочка Соня». А лицо у той Сони мне всегда казалось похожим на терку, которой терли картошку на крахмал для киселя. Зуд же был настолько велик, что иногда я был согласен походить и на Соню... Видя, как я потихоньку ковыряю болячки, родители стали связывать мне руки. И, несмотря на их старания и мои мучения, эта болезнь все-таки оставила свои отметки на моем лице. Уже взрослым юношей я проводил малоэффективные опыты по избавлению от этих немногочисленных следов оспы. Расскажу, как это было.

Во время службы в Армии в 1940 году я был командирован в Москву, где и разыскал институт Красоты (так ли он назывался, не помню). Там мне пообещали провести специальный курс лечения по удалению следов, на всю жизнь оставленных этой тяжелой болезнью. Не знаю почему, но я не решился быть пациентом под своей фамилией, а записался как Иванов – благо, что не требовался паспорт. И вот, в очередной раз придя на прием к врачу, я вдруг не среагировал на свой псевдоним: забыл, что Иванов – это я. Меня тут же подвергли тщательному врачебному осмотру: выяснить, нет ли у этого Иванова каких-либо побочных явлений от предыдущего лечения?.. Служба в армии и война не позволили мне тогда провести рекомендованные докторами еще два-три сеанса. Ну, а потом, после войны, время и возраст изменили мое отношение к столь незначительному недостатку моей внешности, и я успокоился.

Вернемся к годам моего детства. Когда был ребенком, много раз слышал, как мама, понизив голос, таинственно говорила соседкам: «Миша должен счастливым вырасти – ведь он родился в рубашке». И добавляла, глядя на лампадку и на иконы в красном углу: «А я берегу ее – храню там!»

После таких разговоров мне всегда хотелось взглянуть на ту рубашку, из-за которой я должен стать счастливым. Но сначала мне надо было ее найти...

И вот однажды, дождавшись редкого момента, когда остался в избе один, я подтащил стол поближе к углу, поставил на него табуретку, залез на нее и снял верхнюю икону. Отчего-то мне казалось, что необыкновенная обнова, которую от меня скрывают, находится именно в ней. Отогнув маленькие гвоздики, я снял у иконы крышку,

но ничего особенного за ней, кроме толстой фольги и бумажных цветов, не нашел...

Мое любопытство было сразу же обнаружено, и за первым разочарованием последовало второе – я был наказан отцом изрядной «выволочкой». Он «дал мне ремня», приговаривая: «Теперь-то ты понял, что там?!» А мне было обидно и непонятно – за что отец меня наказывает: за порчу иконы или за злополучную рубашку? Спросить его я так и не осмелился.

Да, много хлопот я доставил своим родителям, много слез пролила моя мама, пока я вырос! Как говорится, со мной пришлось им горя хлебнуть...

Несмотря на то, что рос я болезненным и слабым мальчиком, всегда меня тянуло к ребятам постарше, к ровесникам моих братьев Ивана и Андрея. Я изо всех сил старался не отставать от них, быть с ними на равных во всех их затеях. Это стремление иногда приводило к плохим последствиям...

Помню, было мне всего лет шесть-семь, когда начал я бегать с братьями на замерзшую речку Локтевку. Обычно стоял на берегу и с тайной завистью смотрел на ребят, которые катались на самодельных деревянных коньках, подкованных полоской железа или проволокой. Я тогда мечтал о том времени, когда смогу кататься с ними вместе, скользя по расчищенному ледяному кругу. Возвращаясь с прогулки домой, я всячески уговаривал старшего брата Виктора смастерить мне такой же конек.

И вот, наконец-то, моя мечта сбылась: Виктор сделал конек, и сам прикрепил его веревочкой к моему валенку. Большого счастья невозможно было представить – и я, хромя от непривычки, сразу поспешил к реке, где катались ребята. И как на грех вышел на лед недалеко от нашей проруби! Стоило мне первый раз в жизни оттолкнуться одной ногой и заскользить на другой, как я тут же оказался в воде... Наверняка утонул бы, да спасла шуба старшего брата: распустившись веером, вернее, надувшись, как парашют, она держала меня по пояс в проруби.

Мои братья подняли крик и бросились бежать к дому, чтобы сообщить родителям о случившемся. Я не помню, как меня достали из воды и как принесли домой. Помню только, что в доме сразу же раздели догола и положили на русскую печь – туда, где сушился овес. Тепло, которое набрали зерна, тут же передалось мне, из меня градом начал лить пот. Родители еще долго не разрешали мне выбраться из овса и слезть с печки: боялись, что я могу заболеть чахоткой.

Слава Богу, все обошлось: разогретое зерно сделало свое доброе дело. Я на всю жизнь запомнил целительное тепло разогретого овса и часто вспоминал о нем, когда замерзал в военные годы в танке, потом и в госпитале, а после войны – на рыбалке или охоте. Стоило мне вспомнить теплую гору того овса, как сразу становилось теплей. Хотя бы на душе...

Но вот беда: кататься на коньках я так и не научился. Пробовал, надо сказать, неоднократно, и уже на настоящих коньках и на настоящем ледяном катке – на стадионе, но... нет, и все!

Раз уж заговорил о воде, то надо, пожалуй, рассказать и о «рекорде», который я чуть позже летом установил при нырянии.

Речка Локтевка, протекавшая через наше село, не была широкой и глубокой, но имела множество опасных мест – омутов, которых побаивались даже взрослые. С виду спокойная, она унесла не одну человеческую жизнь, затягивая неосторожных людей в свои коварные ловушки. А потому родители строго наказывали нам держаться подальше от этих мест. Нас же они и пугали, и притягивали!

Многие из нас, пытаясь продемонстрировать свою отчаянную храбрость, старались проплыть около самого омута. Однажды я тоже решил себя показать! И вдруг, оказавшись рядом с легкими завихрениями воды на границе омута, я почувствовал, что меня неудержимо тянет вниз. Как сейчас помню: вместо того чтобы сопротивляться потоку и пытаться вынырнуть из него, я, испугавшись, сжался в комок и начал безвольно опускаться все глубже и глубже на дно. Оказавшись сидящим на корточках на дне, я все сильнее сжимался и глотал воду. Когда с ужасом понял, что тону, в отчаянии открыл глаза и увидел перед собой растущую на дне зелень – она мирно подрагивала и вилась вверх. Трудно сказать, как долго я был в состоянии полного оцепенения. Помню лишь последние проблески сознания – мое детское воображение представило плачущую мать и всех родственников и соседей, плотным кольцом окруживших меня мертвого на берегу. И все они говорили одно и то же: это какая-то злая сила затащила Мишу – сам он не мог туда заплыть... Все это, как мне помнится, я ощутил весьма реально! А вот что было дальше, память не сохранила.

Как потом рассказали, подоспевшие на помощь взрослые ребята вытащили меня из воды, положили на одеяло и, приподняв его над землей, начали туда-сюда меня перекачивать. Перекидывали из стороны в сторону, откачивая воду. А потом прибежали перепутанные родители и окончательно привели меня в чувства.

Этот случай тоже оставил след в моей жизни: я и по сей день не умею плавать. Сколько раз я пробовал научиться, сколько лет не оставляло меня желание преодолеть этот обидный недостаток! Но все напрасно. Всякий раз, отплывая от берега на пять-десять метров, я с трепетом оглядываюсь на заветный берег, с ужасом ощущая под собой пугающую неимоверную глубину! Наверно, трудно представить, чтобы взрослый человек не мог пересилить тот страх, который однажды испытал в детстве. Но это так.

Как вспоминали мои сестры, наша семья на Алтае жила не голодно, но и не богато. Чужих людей отец никогда не нанимал, свои же – не сидели без работы. Старшие дети едва смогли научиться читать и писать: Гаши ходила в школу два года, Виктор – три, а Нюра и вовсе не училась. Не до учебы было – все они с ранних лет помогали по хозяйству: Гаши и Виктор

работали в поле с родителями, а Нюра занималась с маленькими братьями-сестрами, которые звали ее не Нюрой, а Нянькой (так и осталась она для всей семьи «Нянькой» до самой смерти)...

Наше хозяйство на селе ничем особенно не выделялось. Дом был небольшой: одна общая комната, кухня и сени. Построен он был по «кавказским» традициям: в комнате пол деревянный, а на кухне, где готовили на печке, – мазанный, земляной. Сестры рассказывали, как каждую субботу они мучались с тем самым земляным полом: «В комнате вымоешь чисто, а станешь кухню мыть – только грязь разведешь. Намочишь землю, намажешь и ждешь, пока она высохнет. Если раньше начнут ходить, то вся сырая земля в чистую комнату тут же тащится. И тогда – прощай, уборка! Иногда, чтобы долго не ждать, набрасывали солому на сырой пол. И опять «не слава Богу» – подмести такой пол невозможно: вдоволь наглотаешься пыли!»

Были случаи, когда лошадь без седока сходила в сугроб и повозка переворачивалась. Виктор на первой повозке продолжал ехать вперед – ему не было видно из-за горы сена, что там сзади происходит. И опять приходилось Гаше кричать, что есть мочи, останавливая удаляющуюся повозку брата. Ребята с большим трудом вытаскивали сани из снега, ставили их на дорогу, собирая и укладывая упавшее сено. Окоченевшими руками поправляли лошадиную упряжь, стараясь при этом ласковыми словами успокоить перепуганное животное. Домой обычно возвращались вечером, затемно.

Приятно было после такого дня оказаться снова в тепле родного дома, в безопасности, почувствовать себя детьми. Конечно, как и у всех детей, у них были свои забавы. После таких поездок любили они забираться на печку и рассказывать нам, младшим, страшные истории, случившиеся с ними в дороге. Тут уже и волки не просто выли, а с яростью накидывались на лошадей и на самих ребят, и в поле страшно кричала нечистая сила...

Постепенно эти истории переходили в сказки, а потом кто-нибудь начинал напевать протяжные русские песни «про удальца-молодца, ухаря-купца и про несчастную любовь». В конце песни сестры тихонько всхлипывали, представляя себя на месте той обманутой и покинутой, о которой пелось... А нам, мальчикам, больше нравилось петь «взрослые», запрещенные песни, частушки или же играть в карты. Особенным картежником среди нас был Виктор. Он-то и научил своих сестер и братьев картежной игре. Ему больше всех и доставалось за это – отец карт не любил и ругал нас за них.

Вообще-то, Виктору от отца «доставалось» не часто. Может быть потому, что в нашей большой крестьянской семье он с ранних лет был основным помощником отца и немало забот по хозяйству легло именно на его плечи. А так как он был намного старше нас, младших братьев, то пользовался большим авторитетом. Говоря о нем, мы называли его уважительно: «Братка» и всегда старались ему подражать.

Виктор был невысокого роста, крепкого сложения, немногословен. Ходил – словно печатал каждый свой шаг. Любую работу выполнял в основном левой рукой. Он один из нас – шестерых братьев и двух сестер – был левшой. Любая работа в крестьянском дворе выполнялась им с большим старанием и с большим мастерством. Мы, младшие, часто удивлялись: как это он так ловко держит топор, молоток или еще какой-либо инструмент в левой руке?..

Стоило кому-нибудь из нас провиниться, он тут же говорил: «Ну, за это тебе полагается всыпать хар-рошую порцию ремня!» И мы знали, что его левая рука не дрогнет: врежет, так уж врежет! Долго потом будешь помнить, что она сильнее отцовской правой. Правда, ремень брат применял редко – больше воспитывал словами и личным примером.

Помню, как-то в зимнюю стужу на нашем дворе было уже на исходе сено для скота. Брат завернулся в тулуп, надел собачьи рукавицы и в снежную метель поехал за несколько километров – туда, где в поле стоял большой стог нашего сена.

Когда брат возвратился, я впервые увидел его таким сердитым. Виктор рассказал родителям, с каким трудом он добрался до места, где был наш стог, а его уже кто-то увез... Собрав остатки сена, он погнал бедных лошадей в обратный путь.

Брат еще долго не мог успокоиться и, поднимая свой левый кулак, все грозил кому-то невидимому, повторяя: «Ну, лентяи!.. Ну, лодыри!.. Ну, дармоеды! Все равно вас найду и всыплю по заслугам... так всыплю!» Но всыпать никому не пришлось, потому что снег давно скрыл следы: недаром же воровали в метель. А не пойман – не вор понятное дело!.. Даже, если ты знаешь, кто кормит свой скот твоим сеном, – как ты это докажешь?

Когда Виктору было лет шестнадцать, с ним произошел случай, запомнившийся нам всем надолго. Особенно, нашему отцу!

Старший брат с малых лет управлял лошадьми и был известным в селе ухарем – умело пользуясь кнутом и вожжами, любил прокатиться с ветерком. К сожалению, эта его страсть слишком дорого обошлась нашей семье.

Однажды летом он возвращался с поля домой на легкой подрессорной тележке, запряженной двумя сильными, хорошо откормленными лошадьми. Чтобы показать свою удаль перед любимой девушкой, он перед ее домом так поддал кнутом и без того бешеным лошадям, что те рванули, как вихрь, и помчались, уже не слушаясь седока. Как говорят: понесли.

Растерявшийся брат не знал, как остановить храпящих, брызжущих пеной, обезумевших лошадей. В этой дикой скачке он с силой тянул вожжи, и вот правая вожжа оборвалась, лошадей так завернуло влево, что они с разбега ударились лбами в крепкий бревенчатый сарай чужого дома. Лошади тут же пали, а когда Виктор подбежал к ним, были уже мертвы.

Зная крутой характер нашего отца, брат бросился бежать и, спрятавшись где-то в чужом доме, неделю дома не появлялся. Соседи приходили к нам и просили отца простить сына: такое несчастье, мол, может случиться с каждым.

Когда Виктор вернулся, то сразу же увидел во дворе распятые на торце амбара лошадиные шкуры. Он подошел к ним и виновато погладил. Вот тогда мы, младшие, в первый раз увидели, как наш старший брат плачет...

Без сомнения, на долю старших детей выпало нелегкое время – переезд на Алтай, обустройство на новом месте, голод войны, революция. Мне же, родившемуся в 1919 году, относительно повезло: семья уже почти десять лет жила на новом месте. Но все равно, и я успел хлебнуть немало лиха...

С малых лет нас брали на работы в поле. Иногда отец отдавал нас в помощь тем соседям, у кого не было маленьких детей, чтобы погонять в поле лошадей. А соседи, в свою очередь, помогали нашей семье в других работах. Такая «кооперация» всегда существовала на селе. Это была обычная крестьянская взаимовыручка. Удел мальчишек был – верховая езда на лошадях, а девочек – нянчить малышей, когда их родители в поле. Редко какая семья обходилась без такой взаимовыручки.

Так меня семи-девятилетним мальчиком брали наши соседи на время полевых работ в качестве погоняла. Вставать по утрам приходилось с восходом солнца, ложиться спать – с наступлением темноты. А в разгар лета на Алтае она наступает около полуночи.

Летняя ночь мне тогда казалась мгновением. Я не мог представить, что когда-либо удастся вволю выспаться. С утра до ночи, сидя верхом на лошади, боронишь или пашешь – и все смотришь и удивляешься: почему так медленно солнце идет к закату?

Хозяева мои сами работали «до шести лап», и меня заставляли не отставать... Объясню, что это такое. Ранним утром, когда солнце только встает, от любого из нас тянется по земле длинная тень, а потом солнце поднимается все выше и выше, а тень делается все короче. Часов тогда не было. Время обеда и послеобеденного отдыха наступало, когда тень твоя укорачивалась до шести твоих же ступней. С какой надеждой я начинал поближе к полудню одну за другой их отсчитывать! С какой радостью объявлял, наконец, старшим: «Шесть!»

Отдыхать полагалось тоже «до шести лап». Как только солнце пересечет зенит и начнет огибать тебя уже с другой стороны, отмеривай опять свои шесть ступней – и с Богом! Жара к тому времени в разгаре, и слепни кажутся еще злее...

Сколько наивных и пылких дум проносилось в несмышленной детской голове за это томительное время. Сколько песен споешь от восхода до заката! А поешь для того, чтобы не уснуть и не свалиться с лошади. Но и песни иногда не помогали: был я дважды под бороной. К счастью, лошади, радуясь возможности отдохнуть, тут же останавливались

и начинали заниматься одним-единственным делом – отмахиваться от назойливых слепней и всякой мошкары.

Иногда пахарь, идя за плугом и видя, что погоньш начал «клевать», хорошенько подбадривал его кнутом. Были и обиды, были и слезы... Зато сколько было радости по окончании сезона работ в поле вернуться домой! Сверстники смотрели с затаенной завистью: им казалось, что ты уже на голову выше их и умудрен каким-то особым житейским опытом. Да и ты держишь себя с достоинством: «Я-де, мол, знаю, с каким трудом достается хлеб!»

Может потому, что так много песен было спето мной в те долгие дни утомительных полевых работ, но с той поры и по сей день я, по существу, все песни пою на один мотив. Видимо, и природа обделила меня – музыкальный слух совершенно отсутствует. Как говорят медведь на ухо наступил!

Однажды, будучи уже отцом семейства, я услышал удивительное пение итальянского мальчика Робертино Лоретти и сказал своим дочерям: «Слышите, как хорошо у людей поют дети!» На что они, с полным, как понимаю, основанием ответили: «В кого бы нам родиться, чтобы так петь?»

Тонкий намек, как говорится... Но все равно: оставаясь наедине, я частенько напеваю что-нибудь из старинных русских песен. И очень люблю их, особенно в исполнении хорошего народного хора или певцов, поющих «в живую», без фонограммы... И для меня всегда сущий праздник, когда слышу записи песен удивительной, истинно народной русской певицы Лидии Руслановой.

Вспоминая детство, не могу не рассказать, как ездили мы в ночное. Обычно парни постарше заранее сговаривались пасти ночью лошадей в определенных местах в степи. Они собирались группами по пять-шесть человек и намечали, в какой день и когда поедут. Иногда брали и меня, совсем еще ребенка, в свою «взрослую» компанию. Сверстники завидовали мне – каждый хотел бы побывать ночью в степи, послушать захватывающие дух рассказы, от которых порой не уснешь до утра. Обычно дело обстояло так. Пригнав табун в условленное место, путали и треножили лошадей, оставляя их посреди раздолья сочных трав – под крупными и яркими звездами. Сами же разводили костер и, собравшись вокруг него, с жаром обсуждали сельские новости, пели песни и рассказывали «ужасные» истории. А когда наступала пора появиться на сельских посиделках, старшие ребята садились по двое на лошадь и мчались в Курью. Мне же перед отъездом давали добрый совет: поскорее уснуть...

Легко сказать: «Уснуть»!.. В такой ситуации вряд ли кто-то захочет спать: как только стихал топот копыт, тебя охватывал жуткий страх... То слышишь, как воют волки; то какие-то тени неслышно движутся в твою сторону; то вдруг почувствуешь, что под твою самодельную «постель» ползет огромная змея; то почудится – леший дико вскрикнул! И так, в судорогах страха, прислушиваешься, присматриваешься,

оглядываешься и успокаиваешь себя только одним: мыслью о скором возвращении ребят...

И вот, наконец, далеко за полночь слышишь, как они, весело перекликаясь в степи, скачут к почти угасшему костру, и тебе уже совсем не страшно и даже не хочется спать. На душе у тебя не то, что радостное облегчение – самое настоящее счастье. И сам себе уже кажешься настоящим героем: один на один с ночными страхами выстоял! Но никогда и никому не расскажешь правды о своих ночных видениях... Друзья же еще долго шепчутся, и лишь к утру их одолевает крепкий сон. Ночные похождения, конечно же, скрывались от родителей, хотя те наверняка обо всем догадывались.

В детские годы каждый ребенок подражает старшим, не особенно понимая – хорошо это или плохо? В долгие зимние вечера, когда за окнами завывала буря, к отцу приходили односельчане – такие же, как и он, отцы семейств. Их неспешные беседы – воспоминания о прошлом, мечты о будущем – длились порой чуть не до рассвета. Мы же, ребята, лежа на полатах, иногда вслушивались в их тихие разговоры. Если и не все могли расслышать или понять, то не беда! Мы, как замороженные, просто смотрели на них, могучих сибирских мужиков, и жадно ловили, впитывали в себя что-то необычное в их привычках, движениях, жестах, в их манере общения друг с другом.

Часто захаживал наш сосед – большой, широкий мужик с неспешными движениями. С затаенной завистью я внимательно наблюдал за ним. Особенно нравилась мне его манера закуривать папиросу. Делал он это необычным образом, совершенно не так, как остальные сельские мужики. Достав кисет, он зажимал его между пальцами левой руки. В этой же руке держал и клочок газетной бумаги, а правой неспешно и с чувством доставал из кисета щепотку табаку. Свернув папиросу, брал ее краем рта. Медленно доставал из кармана спичку. А затем закидывал левую ногу на колено правой и резким движением руки зажигал спичку о подошву сапога!..

Этот заключительный момент и приводил меня в полный восторг. Детское воображение рисовало картину, что это уже не он, а я так ловко умею прикуривать, вызывая общее уважение окружающих! Ох, как я мечтал поскорее стать взрослым! Курить!.. И делать это непременно, как сосед! Но так долго ждать я не мог...

И однажды, в кругу сверстников, я попытался все это повторить. Держа в зубах наполненную какими-то листьями папиросу, я, с такой же важностью, как сосед, достал спичку и начал... безуспешно чиркать по подошве своего сапожка. И надо же случиться такому конфузу – в этот самый интересный и ответственный момент моего «курения» я увидел своего старшего брата! Он крепко взял меня за ухо и повел к отцу для объяснений. Понимая всю плачевность своего положения, я не мог понять одного – откуда взялся в нашем «тайном» месте мой брат? Как он смог незаметно для нас подойти и подсмотреть?

Последовавшее отцовское «разъяснение» достигло своей воспитательной цели: став взрослым, я никогда не курил. Даже в войну в кругу своего танкового экипажа, когда в перерывах между боями курили все, у меня не возникало желания закурить. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!

Сейчас я с благодарностью вспоминаю своего отца Тимофея Александровича, давшего нам первые жизненные наставления. Мы всегда его звали по-деревенски ласково – тятя. И хотя он не был с нами, детьми, таким же ласковым, как мама, но его строгость и требовательность сформировали в нас не самые плохие качества. Главные из которых – любовь к любому делу, за которое взялся, настойчивость и упорство. Каждый из нас в той или иной мере обладал этими качествами, применяя их впоследствии в самых различных сферах деятельности.

Семья, безусловно, была для нас той средой, в которой мы росли. Многодетная семья, в которой живут по три-четыре поколения, всегда отличается воспитанием детей. Тут и стар, и мал знают свои обязанности, и контроль за их выполнением всегда неусыпный – сколько старших есть над тобой, всех и слушайся!..

Это было не тиранство, а строгие правила жизни крестьянской семьи, ее устои. Да и православная религия всех тогда держала «в узде». Наши родители и бабушка с дедушкой были истинными христианами: в семье было принято молиться дома и ходить в храм. Мы не смели сесть за стол и начать есть без благодарственной молитвы.

В нашем доме газеты, журналы и книги были всегда. Отец был грамотным человеком по меркам того времени – он закончил два-три класса школы и любил читать, если выдавалось свободное время. Мама, хотя и была безграмотной, очень любила слушать, когда кто-нибудь читал вслух.

Хорошо помню, как мы коротали долгие вечера в осеннюю непогоду, либо в метель, зимой. Когда ветер бьется в оконное стекло, стучит мелким дождичком-мжичкой, либо мокрым снежком... Или когда начинается затяжная сибирская выюга – «хурта», и вольный степной буран так ударяет в стены, что, кажется, он оторвет дверь и ворвется в избу. Жди, что завтрашним утром не сразу откроешь эту дверь – так она окажется завалена выпавшим за ночь снегом...

Поскрипывает сухое дерево на чердаке: неужели там и правда кто-то ходит? Но нам совсем не страшно! Ярко горит керосиновая лампа, и еще ярче пылает русская печь. Жаркие отблески вырываются из щелей чугунной дверцы и мечутся по стенам. Ужин давно позади, и теперь все заняты своими обычными вечерними делами.

Дед и бабушка легли отдыхать, утомившись за день. Отец за столом как всегда что-то чинит, ремонтирует, негромко постукивая то кухонным ножом, то стамеской, то молоточком. К деревянному стояку рядом с мамой прилажен большой пук овечьей шерсти – кудель. Она перебирает ее пальцами, теребит чесалкой – готовит под пряжу, а сестры рядом

сучат ее, учатся прясть на веретене. Потом Гаша переходит поближе к лампе и принимается что-нибудь вязать. Брат Виктор сидит под лампой с книжкой в руках и нараспев, с «выражением» – только такую декламацию и одобряет отец – читает нам то о «несжатой полоске», то о том, как семеро мужиков «сошлись и заспорили: кому живется весело, вольготно на Руси?»

Пожалуй, для Виктора это было больше обязанностью, нежели его горячим желанием: иногда он словно о чем-то задумывался, спотыкался на слове, и становилось вдруг тихо-тихо... Тут уже Гаша подхватывала стих, продолжала его наизусть, а отец приподнимал ладонь, предупреждая Виктора: мол, теперь помолчи. Не мешай теперь!

Сестричка Гаша, терпеливая работяжка и умница!.. Последний раз мы виделись с ней в 1993 году, когда ей уже исполнилось восемьдесят восемь. Совсем «обезножела», как она говорила, – ходила с трудом. Но как она оживала, когда начинала вдруг припоминать те самые стихи Некрасова, которые подхватывала тогда, три четверти века назад. Тогда, когда наша большая семья была еще вместе... Опершись на свою клюку, она вставала и читала с такую радостью в голосе и так долго, что мои дочь и внук невольно устраивались поудобней: баба Гаша наверняка еще долго будет «рассказывать»...

А тогда, метельными вечерами, когда Гаша останавливалась, отец потихоньку запевал... Чуть выжидала и присоединялась к нему мама, начиная рукой приглашать остальных, и все один за одним выступали – кроме меня... Как они пели, какие песни! И «Славное море, священный Байкал», и «Ревела буря, гром гремел», и «Бежал бродяга с Сахалина»... И песню, которая почему-то тревожила меня больше остальных: «Скакал казак через долину, через кавказские края». У меня от нее начинало щемить душу – как у взрослого. От того, наверно, что упоминались те самые «кавказские края», откуда родом была наша семья.

А это всегда меня волновало. С детства я слышал разговоры о том, какие же это теплые и благодатные места! Там растут удивительные сады, в которых созревают очень вкусные фрукты – «хрукта»: яблоки и «баргамоты», абрикосы и «гранклет». Это все звучало как сказка! И когда я был маленьким, часто спрашивал родителей, зачем же они сюда приехали? Ведь на Алтае нет таких вкусных плодов! Но они, добродушно посмеиваясь, отвечали примерно одно и то же: мол, «хрукта» для человека не главное, это так – одно баловство. Основное же для каждого человека на земле – это хлебушек. «Хлебушка» – как они говорили. Потому и пришли они сюда – на земли хлебные. Здесь ведь «на деревьях растут булки»...

После таких объяснений, не понимая, что про «булки» родители просто шутят, я начинал приглядываться к деревьям – все искал, где же растут эти самые булки?..

Загадочные кавказские фрукты: яблоки, груши, абрикосы и сливы я попробовал, приехав на Кавказ через много лет. И был очень удивлен, узнав, что «гранклет» – это необычайно крупная слива сорта ренклюд,

а «баргамоты» – это бергамот, большая сладкая груша... Конечно, что такое – яблоки и абрикосы, я узнал еще в школьном возрасте, учась в Курье.

Годы учения в нашей сельской школе на всю жизнь оставили след в моей памяти. Я тогда открыл для себя много интересного, многому научился.

В школу я пошел, умея уже и читать, и писать. Это, видимо, еще одно преимущество многодетных семей: либо тебя научат старшие, либо исхитришься и сам выучишься, стараясь не отставать от них.

Первую мою учительницу звали Зинаида Ивановна. Каждый из нас видел в ней свою вторую маму, каждый мечтал заслужить ее похвалу. Она же с большим терпением и добротой учила нас, таких разных по своему физическому и умственному развитию, деревенских ребятишек. Любовь к крестьянскому труду, большая самостоятельность, помощь старшим были неотъемлемой частью нашего школьного воспитания.

Зинаида Ивановна часто навещала нас дома, стараясь узнать, в каких условиях живут ее ученики, как они занимаются, чем увлекаются, с кем дружат. Разговаривая с нашими родителями, она ненавязчиво и осторожно делала им замечания, давала советы – она любила своих учеников и хотела их видеть умными и добрыми. Трудно было сказать, кто больше любил Зинаиду Ивановну: мы, ее ученики, или наши родители. Ее авторитет был безусловным. Нередко родители говорили своему провинившемуся ребенку: «Смотри, вот расскажу об этом Зинаиде Ивановне!..» И уже одного этого было достаточно, чтобы тот все понял.

Интересные походы с множеством развлекательных игр устраивала наша учительница с целью привить нам доброе и уважительное отношение друг к другу. В тех походах девочкам, как правило, она давала более легкие задания, чем нам, мальчишкам. Но от всех требовала их исполнения с особой аккуратностью.

В зимнее время, на переменах между уроками, Зинаида Ивановна водила вместе с нами хороводы. Дети брались за руки, образовывая два круга: один большой – наружный, а внутри него – меньший круг. Большой круг ходил по часовой стрелке, маленький – против. Большой круг при этом пел: «А мы просо сеяли, сеяли...», а малый отвечал: «А мы просо вытопчем, вытопчем...». Играли мы на переменах и в другие детские игры. И всегда наша учительница была с нами.

Была у меня и первая детская любовь: красивая девочка из нашего класса, тоже Зина. Хорошо воспитанная, внимательная, умная и всегда с образцовыми тетрадками. Чего скрывать: в то время мне очень хотелось быть похожим на нее! И я старался...

В нашей школе был тогда «брошен клич»: «Каждый ученик должен взяться за научное выращивание животных». И когда я узнал, что Зина выращивает – по науке! – теленка, тут же заявил своим родителям, что, как только появится теленок у нашей коровы, я сам начну его выкармливать.

Мне повезло, и вскоре я уже стоял, счастливый, перед Зинаидой Ивановной, которая записывала мне в тетрадь рацион кормления новорожденного теленка на ближайшие две недели. Как будущему воспитателю, родители разрешили мне самому назвать своего питомца. Я назвал его Красавцем. Он действительно оправдывал эту кличку: весь черный, с красивой белой отметиной на лбу и с умными ласковыми глазами. Так я включился в соревнование «У кого лучше питомец?».

Зинаида Ивановна часто проверяла, не нарушаем ли мы нормы кормления и ее «рекомендации по научному выращиванию молодняка». И вот однажды она появилась в нашем доме со словами: «Я не одна, с помощницей». Как же я был удивлен и обрадован, увидев рядом с Зинаидой Ивановной свою подружку. Зина стояла раскрасневшаяся от зимнего мороза, а быть может, от смущения и старалась напустить на себя важный вид. Она только один раз, словно невзначай, взглянула на меня. При этом меня охватило такое волнение, что я уже не мог собраться с мыслями и спокойно рассказывать о своих успехах.

Мама все поняла и выручила меня: сама познакомила наших гостей с моим питомцем. Зинаида Ивановна задавала вопросы, мама отвечала. Мы же с Зиной, очень смущенные, все это время молчали. Девочка с подчеркнутым интересом разглядывала Красавца, ни разу не посмотрев в мою сторону.

Перед уходом Зинаида Ивановна похвалила меня, и тихо поглаживая Красавца по спине, пожелала дальнейших успехов. А Зина, обращаясь к маме, тихо произнесла: «Хорошего вы вырастили... теленочка!» Я же, не расслышав последнего слова, решил, что Зина сказала: «сыночка». И это прозвучало для меня, как объяснение в любви – я покраснел и потерял дар речи окончательно...

Поняв мое смущение, мама обняла Зину и, глядя на меня, сказала: «Это все он, наш Миша!» Вскоре, распрощавшись, наши гости ушли. А я потихоньку, чтобы никто не заметил, подошел к окну и долго смотрел им вслед...

Внезапно оборвалась наша детская дружба... Однажды в конце лета, когда я возвратился с полевых работ, моя мама как бы невзначай сказала, что Зина вместе с родителями уехала жить в другое село... Я знал, что мама сказала правду, но не хотел верить этому!

Найдя предлог, чтобы уйти из дома, я побежал туда, где жила Зина. Подойдя к ее дому, я замедлил шаг и с надеждой посмотрел на окна: вдруг передумали, не уехали? Вдруг я снова увижу свою подружку, ее улыбающееся лицо, ее русые волосы, заплетенные в тугие косы и украшенные красивыми голубыми бантами? Но ничего этого не случилось. В приоткрытые ворота был виден опустевший двор да следы поспешных сборов – валяющиеся ведра, какие-то мешки, рассыпанное зерно...

Сердце мое зашло в печали – я ведь даже не простился с девочкой, которая мне очень нравилась и которая была мне другом. Увидимся ли мы с ней когда-нибудь?

Позже в их дом заселились другие люди, неизвестно откуда приехавшие в село. Узнав об этом, я понял, что Зина уехала навсегда. С той поры я начал обходить ее дом стороной – мне почему-то казалось, что в нем царит мрак и нет больше жизни.

Вскоре после этого, очень печального для меня события, по селу пошел слух, что семью Зины раскулачили и выслали в дикие таежные места Сибири...

Первое испытание: ссылка

Тридцатые годы двадцатого столетия для российского крестьянства были отмечены особо печальными событиями. Под лозунгом «активной всеобщей коллективизации» начались ужасные беззакония. Крестьянские семьи, имевшие более-менее продуктивное хозяйство, признавались «зажиточными», «кулацкими» и без особого суда и следствия, простым голосованием бедноты (а, зачастую, просто лентяев и бездельников) высылались в северные районы Сибири. Имущество высланных крестьян подлежало полной конфискации...

В эти же годы происходило повсеместное отрицание веры и попрание Церкви. Даже в далеком алтайском селе Курья организовался Союз безбожников, в который вошли убежденные атеисты, решившие уничтожить веру в Бога в народе. По всей России начали разрушать Соборы и Храмы. Сейчас-то мы признали это кощунством, пришли к раскаянию, но тогда?.. Тогда, при этих актах вандализма, нередко происходили очень странные и печальные случаи...

Мои старшие сестры вспоминали, как в 1934 году разрушали в Курье красивейший Храм, стоявший в центре села. Уцелевшие фундамент и часть стен напоминают о трагедии, которая произошла более полувека тому назад. Для того, чтобы снять с Храма Кресты, активисты Союза безбожников подъехали на тракторе, зацепили их веревками и повалили на землю. А в это время мимо Храма шла из школы маленькая девочка, второклассница. Так ее этими крестами и убило. Как и почему такое могло случиться? Многие сельчане тогда задавали себе этот вопрос...

Да, страшное было время. Тогда даже в частушках, которые печатались в календаре (численнике, как его тогда называли), чувствовалось невеселое настроение алтайских крестьян:

*Сибирь – сторона хлебородная,
Хлеб в Пospелиху свезла –
Сама голодная!
Ох, матушки!
Новый хлеб заколосится –
Шелк оденем вместо ситца...
Ох, батюшки!
Крепко бабушка не ныла,
Революцию бранила...
Ох, матушки!
Вот свобода, так свобода –*

*Нет у хлеба у народа!
Ох, батюшки!*

Шел 1930 год. В этот год были раскулачены и высланы из села половина крестьянских семей. Это был поистине трагический год не только для нас...

Своим тяжелым повседневным трудом мои родители наконец-то обеспечили семье относительно сытую жизнь – мы дожили до среднего достатка.

К тому времени у нас произошли большие перемены: сначала, в 1923 году, родители выдали замуж старшую сестру Гашу, через пять лет – Нюру, а в 1929 году женился и старший брат Виктор. Старенькие родители моего отца тихо, один за другим, ушли из жизни.

Мои родители Александра Фроловна и Тимофей Александрович остались с пятью сыновьями. Долгожданные отцовы помощники были еще, как говорится, «мал мала меньше»: старшему сыну Ивану – 15, младшему Николаю – всего 3 года. В школу в то время ходили двое – я и Василий.

Мы, школьники, всегда были в курсе событий, происходящих в селе. А события в Курье для некоторых крестьянских дворов происходили, прямо скажем, катастрофические.

Сначала в село начали приезжать «специальные уполномоченные», которые проводили так называемые «собрания бедноты». На этих собраниях составлялись списки по трем категориям крестьянских семей: бедняки, середняки и кулаки. Хозяйства тех, кто попадал в третью категорию, подлежали конфискации, а все члены семьи должны быть высланы в северные районы Сибири.

Собрания эти проходили бурно, порою с вечера и до утра. Если вдруг во время спора кто-нибудь начинал возражать против зачисления в третий список тех семей, которым было далеко до «кулаков», то его самого тут же называли «подкулачником». Вот и попробуй тут вступить за соседа...

Сколько же было пролито слез, когда в дома крестьян приходили те, кому было приказано изъять все, что считалось в хозяйстве лишним. Ведь ничего лишнего у мужика не было! Тогда невозможно было себе представить, чтобы кто-то чужой сказал: «Вот это и это у тебя лишнее, оно не должно тебе принадлежать». Но проверяющие забирали все: скот, птицу, хлеб и даже основной продукт крестьянина – картофель. Вся усадьба тщательно проверялась: не припрятал ли чего-либо хитрый хозяин, не закопал ли в землю?

Нам, детям, было известно, чьи родители рьяно выступали за лишение гражданских прав и за высылку тех, у кого на подворье более двух лошадей или другой животины. В школе началась смута и разобщенность, ученики также разделились на бедных и богатых. И пошли взаимные упреки и оскорбления, которые часто заканчивались крепкими потасовками.

Обзывались словами, которые только что стали входить в обиход: кулак, подкулачник, богатей, захребетник. В потасовках, как правило, всегда обвиняли «захребетников», хотя они и не нападали первыми – они защищались.

А велика ли была разница между теми «бедными» и «богатыми»? Богатые, как правило, имели большие семьи, а потому и держали больше скота, птицы и другой живности. Так что, попробуй разберись!

В один из зимних дней мы пришли в школу и нам объявили, что этой ночью четверо наших учеников вместе с родителями были увезены на железнодорожную станцию в Пospelиху для последующей отправки на север Сибири. Это был первый случай, и учительница по секрету нам сказала, что ночной плач высылаемых был слышен на все село. Эта новость подействовала на нас настолько угнетающе, что мы весь день чувствовали себя, как будто виноватыми перед теми, кто сейчас был в неизвестном пути.

Но закончился очередной учебный год, и началась привычная крестьянская подготовка к весенним работам в поле. Готовясь к сезонным работам, крестьянские семьи заранее договаривались о взаимопомощи: кто кому и как будет помогать. Родители снова определили меня к соседям в погоныши. Когда сговаривались, я слышал, как сосед похвалил меня за работу в прошлом сезоне, сказав, что я умело обращался с лошадьми и что те меня слушались. Конечно, моему отцу приятно было это услышать. Да и мне тоже...

Итак, в этом году я опять должен работать вместе с нашими соседями, проводя все дни на чужом поле. Только тот, кто сам бывал на сельских работах в поле, может понять, насколько это тяжелый и изнурительный труд.

Прошло три-четыре месяца с той поры, как из села была выслана первая партия крестьянских семей. Родственники стали получать письма от тех, кто уже определился на новом месте жительства. Невозможно было без слез читать эти письма с подробностями о тех испытаниях и несчастьях, которые выпали на долю первых переселенцев: абсолютное бездорожье, грубость начальников и конвоиров, болезни, недружелюбное отношение жителей глухих сибирских селений. Хотя, последних тоже можно понять: их сильно настораживало неожиданное соседство с измученными голодом и горем людьми.

В конце лета, перед самым началом учебного года, произошло событие, потрясшее меня до глубины души – из Курьи выслали еще несколько семей, в том числе и семью моей подруги Зины. Так, можно сказать, трагически закончилось мое первое детское увлечение.

В школьных классах между учениками вновь и вновь вспыхивали ссоры и драки. Трудно было понять, кто их затевает между бывшими закадычными друзьями, между верными подружками и кто во всем виноват? Но дети были тем чутким барометром, который предвещал бурю среди взрослых. Вернее, грядущее ненастье над всеми нами!

Поздней осенью в Курью вновь прибыли специальные уполномоченные для организации очередного этапа раскулачивания и подготовки следующей партии семей для высылки в глухие таежные края.

На этот раз и наша семья оказалась в черном списке, подпав под эту самую «ликвидацию кулачества как класса».

Наш отец, хорошо зная, какие неприятности могли начаться из-за стычек между детьми, сразу же собрал нас пятерых. «Если кто из вас начнет свору с детишками бедняков, – сказал грозно, – тут же оторву голову!»

Мы хорошо знали, что наш отец не шутит – «неслухам» уже не раз пришлось испытать его крутой нрав.

В один из первых зимних дней в наш большой крытый двор согнали множество коров и овец, отобранных у тех крестьян, кто подлежал высылке. Высылке туда, «куда Макар телят не гонял», как говорят...

Все силы отец вкладывал в наше хозяйство. Он все собирался поставить новый большой дом. А теперь вот наш старый прямо-таки дрожал от разноголосого мычания, визга, блеяния.

От этого ужаса нельзя было укрыться даже в доме. Через окно нам было видно, как коровы с телятами, свиньи, овечки, словно предчувствуя свою гибель, носятся по кругу, пытаются найти выход из своего заключения. Огромные бугаи, даже от дальнего рева которых всегда замирало сердце, теперь сотрясали двор своим захлебным хрипом, угрожающими раскатами своих тяжелых голосов и били передними копытами так, что густые комья мерзлой земли стучали по амбару, по стенам стаяк, летели через ограду.

Неожиданно в наш двор вошли несколько дюжих мужиков с топорами и ножами в руках. И вот я впервые увидел, как одним ударом топора безжалостно убивают такого огромного и, казалось, непобедимого быка. После удара бык мгновенно припадал на передние ноги или сразу валился на бок, а в это время второй мужик быстро перерезал ему горло. Бык, как бы опомнившись от удара, пытается встать, но уже поздно, кровь бьет фонтаном из горла, хлещет по сторонам. Началась разделка туш коров и овец...

Внутренности выбрасывались за ограду, и там образовалась большая куча, в которой копошились не успевшие родиться живые телята и ягнята. Зрелище было жуткое. А перепачканные кровью мужики, убивая очередную стельную корову, хладнокровно похохатывали: «Вот, избавляем хозяев от лишних хлопот... детишек освобождаем, а то придумали тут: научное выращиванье».

Думаю, что так могли говорить только отцы тех наших однокашников, кому нечего было дома выращивать...

Последними забили наших коров и порезали наших овечек, а их шкуры повесили рядом с остальными на перекладинах во дворе. После того, как все туши и шкуры увезли, двор наш представлял страшное зрелище, и отец велел всем нам взять лопаты и засыпать снегом кровавые разливы. Но кругом все так сильно вытоптали и забрызгали, что нам пришлось несколько раз повторить засыпку – носить снег с огорода

во двор, а затем убирать его, перебрасывая через забор во двор к соседям, которых уже до этого «раскулачили».

После такого погрома наступило время тревожного ожидания – несколько дней непривычно тихой жизни, когда в нашем дворе не раздавалось ни громкого слова, ни даже петушиного крика...

Родители готовились к предстоящим трудностям, собирая немалый скарб. На нас, пятерых ребят, одной одежды сколько надо взять!.. Слава Богу, что хоть старшие дети живут отдельно! Одна надежда, что теперь-то их с нами не вышлют...

У старшей, Гаши, росли два сына: старшему было 3 года, младшему – год. Ее муж Николай Овчинников был вроде бы неплохой мужик, работающий, но из убежденных активистов нового времени. Он был первым коммунистом на селе и первым «безбожником» (возглавлял Союз безбожников в Курье). Родственников жены он всегда не любил «за нашу кулацкую сущность». И хотя знал, как трудно жила наша большая семья, никогда не пытался помочь. Он не заступился за нас даже тогда, когда узнал, что отец числится в списках на выселение. Он лишь настрого запретил жене бывать у нас в доме после этого. Что ж, муж есть муж, глава семьи, что с ним поделаешь? Мы тоже стали обходить их дом стороной.

Когда в 1928 году наша тихая и ласковая Нянька-Нюра вышла замуж за бедного парня Егора Чупрынина, мой отец пытался помочь им, как мог. Он всегда неплохо относился к зятю. В ответ на это и Егор всегда разрешал своей жене приходить в родительский дом и помогать маме по хозяйству: нянчиться с нами, ребяташками. Ведь в то время младшему нашему брату Николаю было всего 2 года.

Жили молодые в старом маленьком доме с родителями Егора. Поэтому и отец, и мама очень хотели, чтобы после нашей высылки они перешли жить в наш дом. Но Анне с Егором даже взять ничего не позволили из нашего хозяйства, не то, чтобы обосноваться в нашем семейном доме. Так и остались они в плохоньком домике Егора, а наш дом после нашего отъезда был разграблен, разломан, сожжен... До самого выселения мы продолжали ходить в школу, хотя с трудом могли сдерживать свои эмоции. Обидеть нас было очень легко.

Помню, как-то раз, возвращаясь из школы, я услышал оскорбительные слова в свой адрес из подворотни одной покосившейся избы: меня даже не дразнили, а просто издевались надо мной. Как же захотелось мне в ответ дать обидчику по морде... Но я вспомнил слова отца, а он их на ветер не бросал. Слезы брызнули из моих глаз, и я скорее побежал от чужого двора, чтобы этот заморыш, который не только не работал – к лошади-то боялся подойти, не увидел, что я плачу. Таким же был и отец у него – и наши, и соседи про него говорили: боится тележного скрипа. А вот из подворотни обидное выкрикивать – это они запросто!..

После нескольких дней напряженного затишья к нашему дому подъехали две упряжки саней, набитых соломой. Настал день нашего отъезда в неизвестность. Погрузили все, что можно было взять с собой,

торопливо уселись, кто как мог, и чужие сани повезли нас от родного дома.

Громкий плач матери и крик Нюры, бежавшей вслед за удаляющимися санями, вызвал слезы и на наших ребячьих глазах. Отец только глухо повторял: «Ну, хватит, довольно».

Мой старший брат Виктор, спрятавшись где-то в чужом доме, уклонился от высылки: он женился всего несколько месяцев назад и у него только что родился сын. Милиция тщетно пыталась его найти, и мы оказались в пути без нашего «братки».

И только несколько лет спустя мы узнали о том, что через несколько недель после нашей высылки один «добрый человек» указал милиционерам дом, где скрывался Виктор. Его тут же арестовали и судили как члена «кулацкой семьи», определив ему меру наказания: три года работы на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Но он там был семь долгих лет – мой брат не мог смириться с незаслуженным наказанием и три раза пытался бежать. Но – безуспешно. И после каждого побега ему добавляли еще по одному году. Когда же он отработал на строительстве канала все шесть лет, ему сообщили, что он будет освобожден. Оставалось оформить все бумаги по освобождению, и можно возвращаться в родные края, к молодой жене и сыну. Но Виктор в комендатуре вдруг задал вопрос: «Скажите, за что же я был осужден на эти работы?» Ответ последовал такой: «Так ты не знаешь, за что?.. Тогда еще один год принудительных работ!» Когда же через год ему вновь объявили, что он свободен, Виктор не стал больше задавать вопросов...

Большой караван ссыльных из нашего района с невеселыми приключениями, с воем женщин и с плачем детей прибыл, наконец, на железнодорожную станцию Пospelиха. Здесь нас ждал железнодорожный состав из так называемых телячьих вагонов.

Нам, ребятам, сперва показалось: какие прекрасные это вагоны! Мы ведь других не видели...

Началась погрузка. С нами в один вагон разместили семью из соседнего села. Наши родители были знакомы, но мы, ребята, смотрели друг на друга как на чужестранцев.

Тяжелые двери вагона были постоянно закрыты, и нам не разрешалось выходить из вагона без разрешения коменданта, который сопровождал состав. Свет в вагон проникал через щели в дверях и через крошечное оконце.

Когда поезд тронулся, наши родители в углу вагона устроили туалет, поставив там большое железное ведро и отгородив его какими-то одеялами. Пользоваться таким туалетом помогала только темнота в вагоне да сильный стук колес. Выливать содержимое ведра разрешалось лишь на остановках поезда, когда открывалась, вернее, отодвигалась, дверь. Наши отцы приспособились производить эту операцию и на ходу поезда, чтобы в закрытом вагоне, где постоянно топилась чужая печь, не застаивался и без того тяжелый воздух.

Вот и последняя остановка – железнодорожная станция Тайга. Началась поспешная высадка из вагонов и погрузка багажа в подъехавшие сани.

Всем взрослым было велено идти вслед за багажом в один из барачков, где мы должны ждать, когда придут подводы для дальнейшего пути. Барачки были бревенчатые. Внутри – четырехъярусные полки. Мы, дети, конечно же, сразу облюбовали себе четвертый ярус – под потолком. Родители расположились внизу.

Через два дня подводы за нами пришли. Нас снабдили в дорогу кое-какими продуктами, и после этого длинная вереница крестьянских разномастных подвод – саней, управляемых бородатыми мужиками, двинулась в неизвестный нам Бакчарский район. И где он, этот Бакчар?.. Какой он? «Государственная тайна», – коротко отвечали нам.

Долго и трудно был тот путь. По едва пробивающемуся из-за тяжелых серых облаков солнцу можно было понять, что нас везут на северо-запад. Когда вечером мы проезжали мимо какого-то большого населенного пункта, один из охранников сказал, что это – город Томск, а наш пункт – за 210 километров от него. И добавил: «Скажите спасибо, что уже ударили морозы и едем по замерзшим болотам. Летом этот же путь был бы в три раза длиннее...»

За день мы проезжали не более сорока километров: дорог почти не было, да и зимние дни коротки. Часть пути даже мы, дети, шли пешком: иногда по команде охранников, иногда добровольно – чтобы согреться.

Но вот и Бакчар... Мужики, намучившись с нами за долгую дорогу, поспешно сбросили с подводы наш нехитрый багаж прямо в глубокий снег – все, мол, хватит, приехали!..

Сопровождавший нас милиционер (с револьвером на боку) передал наш списочный состав местному коменданту – тому, в чье распоряжение мы прибыли. Это уже его задача – распределить нас по конкретным лесным поселкам. Ссылные начали просить – кого с кем вместе поселить, а куда – это уже не важно. И тут я услышал, как один из прибывших обратился к коменданту со словами «товарищ комендант», а тот даже не дал ему высказать просьбу. Громко, чтобы слышали все ссылные, он заявил: «Товарищ вам – в брянском лесу волк, а я для вас – гражданин начальник. Запомните это раз и навсегда и обращайтесь ко мне только так».

Кто-то не вытерпев, тихонько, будто жалобно, сказал: «Так ведь оно было проще: товарищ, и все тут...»

Комендант, поправив кобуру револьвера, назидательно проговорил: «Того, что было, теперь у вас нету! Теперь я для вас только «гражданин комендант!»

Своим детским умом я еще долго не мог понять – в чем же разница между «товарищем» и «гражданином»? И хотя впоследствии я вновь и вновь слышал на собраниях односельчан назидательные повторения этих громких слов, но так и не понял ничего. Просто постепенно привыкал к тому, что я – «гражданин»...

По разнарядке коменданта наша семья попала в группу, направлявшуюся в поселок Верхняя Моховая. И снова наши сани тронулись в путь. Слава богу, добрались живыми и здоровыми до Верхней Моховой. А там, после непродолжительного отдыха, нас ждала следующая разнарядка – по ухабистым дорогам повезли нас в Нижнюю Моховую.

Надо сказать, что это не были строго охраняемые зоны, это были обычные небольшие деревушки, в которых жили и местные жители, и спецпереселенцы. Последним было предписано требование администрации: главе семьи регулярно отмечаться в милиции и отчитываться. И только в 1936 году новая Конституция СССР возвратила всем высланным гражданские права.

В Нижней Моховой нам предоставили жилье в пустующем доме: обживайте и обустраивайте все по своему усмотрению.

Соседями нашими оказались старообрядцы-кержаки. К нашему появлению они отнеслись не очень-то дружелюбно. Да и кому понравится такая полунищая ватага? Ведь в нашей семье пятеро детей – мальчишек!.. Люди обстоятельные, кержаки, конечно, опасались: не станем ли мы летом опустошать их огороды?

Но опасения эти оказались напрасными. Отец строго предупредил каждого из нас, чтобы мы были хорошим примером не только для местных жителей, но и для ссыльных во всей округе. Вот с такими отцовскими напутствиями мы с Василием и пошли учиться в новую, недавно организованную в селе начальную школу.

Наша семья только-только начала создавать новое хозяйство в Нижней Моховой, как на нее обрушилось страшное горе – мой отец Тимофей Александрович тяжело заболел чахоткой и в конце декабря умер, так и не успев обустроить семью на новом месте.

Отец всегда был для нас примером. Он старался дать нам основное – воспитать в нас жизненную потребность в труде. «Не бойся руки спачкать, не бойся, – как будто до сих пор слышу его насмешливый голос. – В черных руках – белая копеечка!» Должна быть. Так он ждал ее ради нас всех. Так надсаживался! «Надсажался», – причитала сломленная безмерным страданием, настигшим ее в чужом краю, наша мама.

Зима в том году была, как говорили, на редкость морозная и снежная.

Отец умирал в сильную метель, а умер – она завывала еще пуще. Из дома не то, что выйти нельзя – носа не высунуть. Поэтому похоронить отца мы не могли, и он еще несколько дней был вместе с нами, только рядом, в холодной комнате.

Как же хорошо нам бывало в такую погоду раньше, как счастливо мы, выходит, жили в Курье! Топилась жаркая печка, мама чесала шерсть, сестры вязали, братья что-нибудь мастерили, и кто-то один читал из книжки стихи, а потом отец начинал вдруг петь...

Дрожа от холода, подходил я теперь к двери в холодную комнату, где он лежал, долго-долго прислушивался, и мне все казалось, что вот-вот послышится его уверенный густой голос. Но нет... Не славил он

«священный Байкал», и бродяга не бежал звериной узкой тропой, и казак не скакал через долину, через дальние-дальние «кавказские края»... Только гуляла злая метель вокруг нашей избы, да буря, казалось, была готова сорвать берестяную крышу. Я стоял около двери так долго, что мама пришла и сказала: «Что ж ты делаешь? У тебя слезы замерзли».

Когда утихла метель, то лошадь не смогла идти, снег был ей выше ноздрей, и гроб отца поставили на таежные охотничьи лыжи. Мы проваливались с головой, когда шли на кладбище, плакали в снегу в разных ямках, а потом тащили друг дружку и шли дальше.

Так наша мама осталась одна с пятью мальчиками на руках: Ивану было 16 лет, Андрею – 14, мне – 11 лет, Васе – 10, а Николаю – 4 года. Мы лишились отца, мама – мужа, а вся наша семья – защитника и кормильца. Несчастья валились на нас одно за другим: и голод, и холод, и детские болезни. Дом опустел без хозяина, и трудно было представить, как мы будем жить без него? Отец ведь все умел, а мы еще многому у него не научились. Вся надежда была на старших братьев, которым пришлось взвалить на свои мальчишеские плечи все заботы о семье. Один Бог знает, как жили, как выдержали все это...

С наступлением поздней северной весны начали приготовления к полевым работам – ведь надо же хоть что-то где-то посеять! Главными орудиями труда стали теперь топор, пила и лопата. На отдельных полянах надо было выкорчевать глубоко вросшие в землю пни и вскопать землю, вручную посеять зерно и деревянными граблями всю делянку забороновать. Труд, прямо скажем, адский. К тому же все это усугублялось наличием неисчислимой армии комарья и мошкар, от которой не спасала и надетая на голову специальная сетка – накомарник.

На весеннюю работу спецпереселенцы вышли все поголовно: от мальчика, который едва научился ходить, до дряхлого старичка и бессильной старушки.

Начиналась борьба за выживание в тех нечеловеческих условиях, в которых оказались ссыльные.

Ясное дело, чтобы посеять зерно или посадить овощи, надо было где-то достать семена. А где? Для этой цели стали собирать в хозяйстве все то, без чего можно хоть как-то прожить. И начался бесконечный обмен вещей на те или иные семена, на тот или иной продукт.

Первые годы каждой переселенческой семье бесплатно выдавали для посадки семена ржи или овса и отводили участок для засева площадью в один гектар. Несколько семей объединялись вместе, так чтобы было 2–3 семьи, имеющие лошадь, и 2–3 таких как мы, «безлошадных». Вот так «бригадами» мы начали осваивать новые земли, помогая друг другу выжить....

Крестьянин всегда и везде надеется на будущий урожай, можно сказать, живет этой надеждой... Трудно передать словами, как мы надеялись на него тогда, в первый и самый трудный год нашей высылки. Казалось,

что от него зависит вся наша жизнь. Работали с отчаянным остервенением, не замечая времени и не жалея сил.

Хорошо помню, как в один из осенних дней мы жали серпами созревший ячмень, и я по неопытности сильно порезал палец на левой руке. В деревне все делается просто: взяли пепел от самокрутки и засыпали мой порез. До сих пор виден на пальце шрам: напоминание о тех трудных днях.

Наступила школьная пора и мама снова отправила нас с Васей учиться. В нашей поселковой школе дети учились только до четвертого класса. Поэтому для меня начались трудности с учебой в другом селе – Воронихе, которое было в пятнадцати километрах от Нижней Моховой. Каждый день преодолевать этот путь было невозможно, поэтому меня определили на постой в чужую семью. Домой я ходил только раз в неделю – в воскресенье.

Зимой в хорошую погоду я с удовольствием преодолевал этот путь. А вот весной и осенью, когда надежный зимник окончательно таял или еще не успевал замерзнуть, идти по болотистой местности было сущее мучение. Весь путь приходилось проделывать по бревенчатому настилу. Устают не только ноги, но и глаза. Напряженно следишь за каждым шагом, чтобы не оступиться в болото. К тому же всю дорогу приходилось ветками отмахиваться от болотного гнуса. Бывало, над бревнами столбом висит мошкара, на одном месте вьется – ни обойти, ни объехать. И вот бежишь, отмахиваешься, тычешь кулаком в глаз, чтобы мошку придавить, и без конца балансируешь – то одной рукой, то двумя.

Как-то уже солдатом я попал в цирк, и там канатоходец с веером не удержался, упал. А я подумал: если бы он знал, что падает не на арену, а в болото, по которому я ходил в школу, – наверняка бы устоял!

Учиться в воронихинской школе было очень интересно. Там был сильный учительский состав из таких же спецпереселенцев, как и мы. Наши наставники пытались нам дать все, что могли.

Можно представить, как трудно им приходилось: все школьники из разных деревень, с их родителями и встретиться-то было невозможно. Обычным явлением для них были тогда и бесконечные школьные проблемы – ни учебников, ни тетрадей, ни вообще хоть какой-нибудь бумаги. Мы исписывали все чистые «островки» в газетах и книгах. Делали тетрадки даже из березовой коры. Берестяные грамотки расшифровывают сейчас ученые в старинном Новгороде, а сколько бы могла рассказать наша воронихинская береста, политая потом, покрытая пятнами чернил и раздавленных комаров-кровососов?! У нас даже появились подобию учебников на коре: помню, как я сам по просьбе учительницы вырезал таблицу умножения для младших классов. Права русская пословица: голь на выдумки хитра!

Поздно кланяться, нет в живых уже многих учеников, не то что учителей, но как хочется поклониться им до земли: примите, дорогие мои,

запоздалую благодарность от одного из самых беспокойных ваших учеников!

Школа не только давала нам знания, она развивала в нас и творческие задатки, таланты. У меня, к примеру, их было два, каждый из которых находил поддержку моих педагогов: первый – поэзия, второй – техника.

Стихи я начал писать еще в третьем классе. Трудно сказать, сколько всего было написано мною за школьные годы: стихи, дружеские шаржи и даже пьесы, которые исполнялись учениками нашей школы. Блокнот и карандаш были моими постоянными спутниками: днем и ночью. Иногда, вдруг проснувшись в самую глухую пору, я доставал их из-под подушки и в темноте записывал рифмованные строки, которые утром едва мог разобрать.

Среди своих друзей я был признанным поэтом, известным на все село. Но, как потом показала жизнь, я не оправдал надежд своих сверстников, неожиданно для всех став «технарем». Хотя любовь к сочинительству я пронес потом через всю жизнь.

Мое второе увлечение – техникой – стало делом всей моей жизни. С детских лет я был одержим тягой к любого рода технике. Постоянно бродил в поисках всяких «железок», набивал ими карманы, не всегда понимая, зачем я это делаю, как буду их использовать? Потом все оказывалось нужным, все пригождалось!

Я разбирал и собирал все, что попадалось в руки, и было способно разбираться по деталям. Много, конечно, портил, но кое-что и ремонтировал...

Когда мне в руки попадался какой-нибудь неисправный механизм, для меня наступало сокровенное время исследования. Для начала я тащил находку домой и понадежнее припрятывал в свой тайник на чердаке. Улучив момент, я доставал ее, брал в сарае отцовский инструмент и уходил за дом. Там раскручивал, отвинчивал, разбирал: мне было очень интересно узнать, как же эта штука работала и почему не работает сейчас? Чаще всего мне так и не удавалось восстановить механизм, но если такое случалось, я был очень доволен собой и горд – выходил из своего укрытия победителем!

В семье, конечно, знали об этих моих секретных исследованиях. Но сам я «открывал» их лишь в случае успеха. Почему? Мне было стыдно за пустое времяпрепровождение за домом: ведь у всех столько работы по хозяйству и в поле! Но уже тогда я чувствовал, что к механике меня тянет больше, чем к чему-либо другому.

В школьные годы в моей голове «поселилась» идея создания «вечного двигателя». Она-то, наверняка, и определила всю мою дальнейшую судьбу – судьбу конструктора. Поставив себе цель, я уже не мог думать ни о чем другом. Ходил, как одержимый, в поисках нужных деталей. Задиравший когда-то в детстве голову в поисках «готовых булок» на деревьях в окрестных лесах, теперь я, выражаясь современным языком, был похож на ищейку, натасканную на металл, – куда только, в какие только углы ни заглядывал!

Братья, друзья – все помогали мне, чем могли, пополняя мой тайник на чердаке. Люди, знавшие меня с детских лет, частенько утверждали, что это врожденная черта, проявившаяся еще в раннем детстве: умение не только убедить в своей правоте, но и заразить «идеей», заставить других работать на нее – своим примером, своей увлеченностью «без удержу».

Скорее всего, это так. Но далеко ли на этом уедешь, если живешь за несколько десятков километров от ближайшей станции, если каждую «железячку» приходится выпрашивать, на что-либо выменивать...

Несколько лет я мучился: собирал свой двигатель на чердаке, испытывал и снова разбирал. Я не мог ничего поделывать – он не выдерживал параметра «вечности»... На этой почве я и подружился с учителем физики, уже достаточно пожилым человеком, появление которого в наших местах было окружено сочувственной тайной. Учеников, которые выделялись своими знаниями, он отличал, называя на старинный манер: я у него был Калашников Михаил Тимофеев. Вполне понятно, что он был и главным моим техническим консультантом, и самым серьезным оппонентом. И вот однажды, покопавшись в очередной раз в притащенных мной в школу составных частях будущего двигателя и просмотрев мои «чертежи», учитель задумчиво сказал: «Понимаешь ли, Михаил Тимофеев, лучшие мировые умы уже довольно давно сошлись на том, что создание вечного двигателя невозможно. Но ты так убедительно доказываешь обратное!..»

Через несколько десятилетий, вспоминая об этом случае, я сожалел, что не было у меня тогда возможности найти нужных для вечного двигателя миниатюрных подшипников, строго калиброванных по размеру и весу шариков... Их не было ни в Нижней Моховой, ни в Воронихе! Попадись они мне в ту пору, может, судьба моя сложилась бы несколько иначе. Вечного двигателя, конечно, не получилось бы, но механизм, близкий к нему, вполне мог быть изобретен и где-нибудь применен...

Прошло несколько лет после смерти нашего отца. Несколько очень трудных лет. Изо всех сил старалась мама быть сильной рядом с нами, своими сыновьями. Жила лишь одной надеждой – вдруг правда восторжествует, и можно будет возвратиться в родную Курью, в свой дом. Но годы шли, а той правды все не было...

Трудно нам тогда жилось, безысходно! Хотя, в эти самые годы нашей маме Александре Фроловне суждено было снова испытать счастье, встретив человека, ставшего хорошим для нее мужем, для ее детей – отцом. Это был наш сосед-украинец, такой же, как и мы – спецпереселенец. Ефрем Никитович Косач отбывал ссылку со своими двумя детьми – девочкой и мальчиком. Жена его умерла несколько лет тому назад, и он посватался к Александре Калашниковой, несмотря на ее большое «приданое» – пятерых ребятишек.

Косач был хорошим человеком – мягким, заботливым, трудолюбивым. По своей природной доброте он сразу же начал входить в роль отца, чем вызывал наше недовольство и сопротивление. Лично я воспринял

появление отчима в семье так нервозно, что иногда даже вынашивал ужасные планы избавления от него...

Но со временем Ефрем Никитович своим бесконечным терпением и добродушием покори нас всех. Мы постоянно работали вместе с ним: то гнали деготь в лесу, то заготавливали бревна и рубили новый дом, то пилили доски для потолка и пола. Да мало ли еще какой работы в крестьянском хозяйстве? И все это делалось под руководством нашего неутомимого отчима весело и дружно.

К маме Косач всегда относился с какой-то трепетной заботой, жалея ее и любя. Да и с нами со всеми он был таким же. Все наши шалости воспринимал с терпением и выдержкой.

Иногда приходила в голову мысль, что в некоторых ситуациях наш отец был бы круче – быстро бы «дал ремня».

Помню, был случай с младшим братом Николаем, который в то время учился в воронихинской школе...

Ребята нашего села всегда ходили в Воронику пешком. Большая часть пути – по таежному лесу. Иногда случалось так, что школьникам приходилось оставаться в Воронихе на неделю, а в холодное время – и на две. И потому родители старались дать им с собой продуктов на несколько дней – на «всякий случай».

И вот однажды осенью мама, собрав моего брата на неделю, проводила его в школу. Но вскоре он прибежал обратно домой в страшном возбуждении. Вид его был жалок: одежда разодрана, царапины на руках и на лице. Николай с гордостью заявил маме и отчиму, что по дороге в лесу на него напал огромный медведь, отобрал продукты – «вон как поцарапал», и лишь по счастливой случайности удалось вырваться из лап разъяренного зверя...

Перепуганная мать, сочувствуя сыну, удачно ускользнувшему от медведя, разрешила ему не ходить пока в школу. На что мой брат с радостью согласился. Его цель была достигнута: он был герой!

Но вот как-то зимой наш сосед поехал в лес. Видит, на дереве висит мешок. Сняв его, он обнаружил там старые продукты и краюху засохшего хлеба, на которой грызуны оставили отпечатки своих острых зубов. Памятуя случай «нападения огромного медведя» на моего брата, сосед принес этот мешок нам домой. Как же был смущен брат, когда мама дрожащей рукой доставала из мешка все то, что осталось от продуктов, сложенных ею несколько недель назад!

Этот случай стал известен односельчанам. И многие родители, отправляя своих сыновей в школу, еще долго подшучивали: «Смотри, сынок, чтобы и тебя не поцарапал медведь!»

Трудно сказать, что могло побудить брата на такой поступок: охотничьи байки взрослых, желание быть героем или возможность увильнуть от этой учебы вдали от дома? Но только отчим даже тогда не «дал ремня» Николаю. Ныколке, как он его называл.

Меня же отчим всегда звал Мыша-большой, а своего сына, который был на три года моложе меня, – Мыша-маленький. На тяжелой работе отчим

никогда не делал скидку на молодость своего сына. Все это как бы и спланивало нашу новую семью, но иногда в ней бывали невыносимые для меня минуты.

Обедали мы, как правило, все вместе, и вот тут начинались мои страдания: я замечал, как мама пытается меня подкормить. Чего только она для этого ни делала, как только ни исхитрялась! То вроде бы случайно и раз, и два, и три все переставляла сковородку: та вдруг оказывалась напротив меня тем самым краем, где кусок был побольше да пожирней. То она так долго и так тщательно перемешивала кашу, что последний крошечный островок оплывающего масла все равно дотаивал как раз напротив меня.

Это выводило меня из равновесия, я бросал еду, если это было за столом, и уходил, сказав, что я сыт. Как будто я был самым слабым или маленьким в семье?.. Мама очень переживала такие моменты, но никогда ничего об этом не говорила.

Так долго это продолжаться не могло, и я стал вынашивать идею возвращения на родину – к сестрам. Я считал, что там жить мне будет спокойнее. Мне было почти 15 лет, и я считал себя способным к самостоятельной жизни.

Мама и отчим противились моим планам, сколько могли, но в конце концов поняли, что останавливать меня бесполезно. Собрали то, что могло мне пригодиться в дороге, приготовили еды на весь неблизкий путь. Отчим положил в мой карман листок бумаги с названием населенных пунктов, через которые мне предстояло идти: плод его долгих перекуров и с мужиками из чалдонов, и с теми, кто уже мало-мальски знал не только округу, но имел представление и о дальних местах.

Ранним утром жаркого летнего дня, простившись с родными, я отправился в дальнюю дорогу. С опаской шел по угрюмой тайге, радостно бежал по степи от сенокоса к сенокосу: все ближе и ближе к родной алтайской стороне.

Поначалу мне везло. Бывало, встретишь своих ровесников, мальчишек чуть помоложе или чуть старше, поговоришь с ними, считаешь, какие любишь и какие помнишь, стихи – и ты уже свой в избе у кого-нибудь из этих ребят, где продолжается наш «литературный вечер». Как это напоминало мне наши давние курьинские посиделки! И так же, как когда-то дома, меня кормили и так же укладывали спать... Откуда была такая доверчивость? Осталась ли она сегодня у россиян? Или как раз она-то нас нынче и губит: никак не можем понять, кто нам друг, а кто – недруг...

Утром следующего дня или через день – дальше в путь-дорогу. Увидев на краю деревни мальчишку, приветливо здоровался и запросто начинал:

*Трудно жить на свете
пастушонку Пете...*

– А я и не Петя, – улыбался тот. – Я – Пашка!

– Тогда – пожалуйста:

*Трудно жить на свете
пастушонку Пашке:*

*снова разбежались
по тайге барашки!*

– Откуда ты знаешь? – искренне удивлялся местный мальчишка.

– Все знаю! – говорю уверенно. – Сам такой!

Однажды таким же образом я попал в семью к украинцам. Они меня долго слушали, умилялись, а потом хозяйка сказала: «Може, изучишь украинский стих – про школяра Миколу? Наш Иванко нэ хоче – такой стих дарма пропадэ!»

Не пропал зря стих – помню его до сих пор. Да и не раз он выручал меня в юношеские годы скитаний...

Как-то моим попутчиком оказался мужчина средних лет с сумкой за плечами и с толстой палкой в руке. Мы вместе шли весь день, и он все время рассказывал всякие занятные истории, чем расположил меня к себе. Я сразу же проникся к нему доверием, бессознательно предполагая в нем такую же искренность, с какой я сам обращался к моим доверчивым слушателям.

Под вечер мы подошли к селу, и я предложил спутнику уже испытанный метод ночевки: попроситься к кому-нибудь на постой. Но он категорически отказался, объясняя это тем, что нас могут задержать и отправить в милицию. Ну а оттуда путь один – обратно домой, да к тому же – под конвоем! Он так нагнетал атмосферу неуверенности и страха, что я сдался.

Когда мой попутчик предложил засветло съесть то, что у нас было с собой, я был очень рад – до того был голоден. Затем, посоветовав мне лучше спрятаться, мужчина пошел на разведку в деревню. С нетерпением я ждал его возвращения и очень тревожился. Наконец, послышались осторожные шаги: он вернулся и сказал, что нашел такое место, безопасней которого не сыскать. Я доверчиво пошел за ним и – о, ужас! Мы остановились возле маленькой баньки на дальних задворках крестьянского хозяйства. «Чего ты боишься? – начал он меня уговаривать. – Сегодня же суббота, и, похоже, тут совсем недавно парились – все еще тепло. Да и хозяйка, видать, хорошая – все так чисто вымыла!»

Мне очень не по душе было ночевать вдали от людей, без спроса хозяев, но мой спутник подтолкнул меня к двери: «Да ты хоть загляни!»

Баня действительно была очень опрятная, внутри чувствовался знакомый запах березовых веников.

Страхи и подозрения продолжали меня мучить – однако, что ж теперь делать? Спать, так спать... Я расправил свой мешок с вещами, подбил его, как подбивают подушку, положил на него голову и уснул. А когда утром проснулся, то не увидел ни попутчика, ни своего мешка...

Сел возле злополучной бани и заплакал: ну как же мне быть дальше?

Хозяин дома, увидев меня в горьких слезах, стал расспрашивать, как я оказался возле его бани и почему плачу?... Когда же я все ему рассказал, он, взяв меня за руку, повел в свою избу. Там мне пришлось повторить эту

историю его жене. Они оба принялись меня жалеть, искренне удивляясь тому, как легко я мог поверить какому-то проходимцу.

Погоревав вместе со мной, хозяйка усадила меня за стол, налила большую тарелку холодного борща и дала кусок мяса. С удовольствием и благодарностью я все это съел и запил стаканом парного молока. Пока я ел, они сидели рядом и с состраданием смотрели на меня.

Когда я засобирался в дорогу, эти сердечные и заботливые люди снабдили меня продуктами, по-отечески наставляя: «Ради Бога, Миша, будь осторожен!» Поблагодарив за доброту и простившись с ними, я продолжил свой путь.

Продукты через день кончились, а дорога еще предстояла дальняя. Все сильнее и сильнее меня мучил голод. Что делать? Не воровать же? Да я и не умею, и не способен на это.

И вспомнилось мне, как к нам под окно, когда мы жили еще в Курье, подходили нищие и просили подать милостыню. А мама всегда говорила нам, что нельзя, когда подаешь, смотреть в глаза христарадника. Хорошо бы и на меня не смотрели! Но ведь перед этим надо сказать те слова, после которых тебя должны пожалеть. Как же их произнести? Нет, уж лучше я умру от голода, но слов этих не произнесу!

Может, мне тогда просто так казалось, что все деревни теперь на моем пути попадались одна беднее другой, а в них – что ни человек – то злей злющего? Всякий раз, когда я, выбрав дом побогаче, подходил к нему, чтобы постучать в дверь или в окно, и уже пытался поднять руку, но рука не слушалась – как будто кто заколдовал меня. Да еще, кроме того, что постучать, надо произнести эти невыносимо тяжелые слова!.. И я опять уходил от чужого дома.

Так продолжалось два дня. Ноги у меня уже подкашивались от голода, и я думал только о том, как бы поесть. Но каждая изба, к которой я подходил, как будто отталкивала меня, и я вновь говорил себе: «Нет, ты не произнесешь этих слов!».

Но голод требовал: «Забудь о совести, о стыде. Что такое «свое я», о котором столько говорили ссыльные учителя в воронихинской школе? Забудь о нем, плюнь!»

Не знаю, чем бы все кончилось, ни попадись мне возле одного дома пожилая женщина с добрым лицом, которой я и поведал о своем горе. Она обняла меня и сказала: «Милый мальчик, воровать грешно и зазорно, а вот просить честно – не стыдно. Или тебе никто никогда не говорил, что у Бога милости много? Найдется и для тебя! Наш народ всегда жил не только милостью Божьей, но и людской милостыней. Ты ведь не нищеврод какой, ты мальчик разумный, но это в тебе не гордость говорит, а твоя гордыня. Сломи ее!»

Сказала и ушла.

Много раз потом я возвращался к мысли: почему сама-то она не захотела мне дать кусок хлеба? Хотя, может быть, у нее и не было ничего? Может, сама она была не из этой деревни или вообще не из этих мест? А может?..

Какая-то загадка была для меня в ней и тогда, и остается теперь. Такое доброе лицо, такой ласковый взгляд, такой проникновенный голос... И дала она мне куда больше, чем простой хлеб – дала знание, которого у меня до этого не было, заставив тут же применить его. Тем самым она спасла меня.

Но об этом я размышлял уже гораздо позже, а тогда я был совсем в другом состоянии духа. Не помню уже, что я говорил, когда раз и другой стоял под окнами. Не помню, глядели на меня или нет. Но отчетливо сохранилось в памяти, что перед тем, как проглотить тот хлеб, я глотал слезы, и казалось, они были тверже хлеба.

Признаться, мне и сейчас не просто об этом рассказывать, но умолчать – было бы не то, что нечестно – несправедливо.

Только на седьмой день я добрался до станции Тайга. А там уже зайцем в товарном вагоне – до Поспелихи. От Поспелихи до Курьи предстояло пройти пешком еще шестьдесят пять километров.

День был жаркий, и я, сняв ботинки, принялся босиком покорять этот путь. Вскоре меня так начала мучить жажда, что я время от времени стал видеть миражи: казалось, вот она – вода! А ее все нет и нет.

Поздно вечером я постучал в дом сестры Нюры, жившей в маленьком селе совсем близко от Курьи. Увидев меня, она глазам своим не поверила. Только все повторяла: «Ты ли это, Миша?.. Да ты ли это?» Затем стала охать и причитать: да как же это я сумел один преодолеть такой тяжелый и такой опасный путь?

Потом Нюра принялась меня спрашивать о семье, и ее вопросам не было конца. Как мама, братья, как умер отец и что за отчим у нас там появился? И я терпеливо рассказывал обо всем. И так она каждый день задавала мне все новые да новые вопросы: откуда она их только брала?.. Я не утаивал ничего. Хотя про ночевку в бане и про то, как голодал, рассказал не сразу, а через несколько дней – когда все ее переживания потихоньку улеглись.

После двухнедельного отдыха я решил, что пора бы чем-то заняться, и договорился насчет работы с колхозными мужиками, собиравшимися уезжать на заготовку леса. Меня взяли, хоть и предупредили, что дело это очень тяжелое. Но я был готов на все, лишь бы только в бедной семье сестры не быть «дармоедом».

Работа в лесу была не по моим годам и не по моим силенкам. Одежка на мне быстро оборвалась: мне досталось рубить сучья. А потом и ботинки пришли в полную негодность. Продолжать работу стало невозможно, и я попросил расчет. Мне выписали двадцать пять рублей, и на попутной машине я вернулся в село.

Жена моего брата Виктора пригласила меня немного пожить у нее. Я согласился: мне было жалко ее и их маленького сына, который мне сразу показался не совсем нормальным ребенком. Однажды, без злого умысла, я решил об этом написать Виктору в письме, которое недописанным оставил на столе. Жена Виктора его нашла и прочитала.

После чего мне пришлось уйти от нее. Хоть я и не понял тогда, за что же она так рассердилась на меня: я ведь написал истинную правду?..

Старшая сестра Гаша пыталась было забрать меня в свою семью. Но, почувствовав вскоре недоброжелательное отношение ее мужа ко мне, «кулацкому сынку», я снова перебрался к Нюре. В бедной семье сестры я был явно лишним едоком. Поэтому решил: пока лето не кончилось, надо возвратиться обратно в Нижнюю Моховую, где у меня осталось столько друзей и знакомых. Да и нужно было продолжить учебу в школе.

Сестра Нюра долго отговаривала меня от этой затеи, но я настоял на своем.

Перед возвращением мне захотелось сходить в Курье на то место, где когда-то стоял наш дом. Ни от дома, ни от надворных построек не осталось и следа. Я ходил по углям и соображал, где у нас что стояло и как все было. Любопытные соседи, увидев меня в это время, позже сказали моей сестре Гаше: «Миша что-то искал на месте вашего дома, наверно, золото». Сестра ответила, что, когда родителей увезли, она взяла ведро и хотела набрать в их погребке картошки, но там уже все растащили, да и погреб разломали. Вот вам и золото! Мы тогда не имели о нем понятия.

Когда я стоял на пепелище бывшего нашего дома, то думал отнюдь не о золоте, а вспоминал стихотворные строчки Сергея Есенина – они ходили в нашей воронихинской школе по рукам, тоже переписанные на березовой коре:

*Я никому здесь не знаком,
а те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
теперь лежит зола да слой дорожной пыли.*

Эти строки были для меня дороже золота и тогда, и теперь.

Итак, я снова в пути. До железнодорожной станции Поспелиха я доехал на попутной машине, потом легко добрался до станции Тайга. А вот пеший путь, пройденный мною почти три месяца назад, оказался для меня чрезвычайно трудным.

В дороге я переходил много маленьких речушек и ручейков, из которых иногда утолял свою жажду. Черпал кружкой воду и пил. На второй день пути я почувствовал очень сильную резь в животе. В таком состоянии дальше идти не мог. Мою боль ослаблял только один метод: сидение в прохладной воде, но надо было идти вперед. С большим трудом я дошел до села, и у одного из ближних домов лег около завалинки и уснул. Сколько я спал, не помню. Открыв глаза, увидел пожилых женщин, которые суетились около меня: не могли понять, откуда я взялся и почему здесь лежу.

Поговорив со мной, они определили, что со мной случилось. Принесли какой-то микстуры и дали выпить. Ох, как противно было ее пить! Вспоминаю это, и даже сейчас, много лет спустя, становится неприятно во рту. Но вечером я снова ее глотал, а потом поел каши и выпил чашку чая. Ночевал у добрых хозяек по-барски: в сарае на сеновале.

Утром бабушки вновь принесли мне микстуру, кашу и чай. Чай был приятный, настоящий на каких-то травах. Употребив все это, я поблагодарил добрых старушек и пошел по указанной мне дороге. Как жаль, что память не сохранила ни названия населенных пунктов, ни имена добрых людей. Как жаль!..

Идти на этот раз было гораздо труднее, чувствовалось, что организм мой совсем ослаб. Я стал часто останавливаться, чтобы собраться с силами.

Когда я, наконец-то, добрался до Нижней Моховой, было еще совсем светло, и идти в таком виде по селу, где меня все знали, я не решился. Развел костер и стал ждать темноты. Время, как на грех, тянулось медленно. Комары атаковали меня, как полчища Мамаю. Отбивался ветками, подставлялся под дым, а им хоть бы что. Наконец-то стемнело, и вот я вновь перешагиваю порог своей избы, где каждая трещинка на досках пола и бревнах стен казалась давно знакомой.

Мама накормила меня, и долго от себя не отпускала – была ее очередь расспрашивать о Гаше, о Нюре, о бедном Викторе. Но, наконец, я поднялся на чердак, где стояла марлевая палатка от комаров и была постель для отдыха летом. Меня тут же окружили братья, друзья-сверстники, и мы проговорили далеко за полночь.

Так закончилось мое первое путешествие. Путешествие трудное и совсем не мальчишеское... Сколько же километров было пройдено и ради чего?

Продолжая учебу в воронихинской школе, я часто вспоминал о тех злоключениях, что происходили со мной в дороге, и пришел к выводу, что первый мой поход на родину был не продуман. Да и рановато я его совершил – мне было всего 14 лет, а надо бы достичь того возраста, когда по закону положено получить паспорт. Хотя, кто мне его здесь, интересно, выдаст? Ведь спецпереселенцам давали паспорт только по истечении срока наказания. Где и как мне получить паспорт – вопрос, над которым я стал все чаще и чаще задумываться. Он тревожил меня постоянно.

И вот у меня окончательно созревает идея снова вернуться на родину: на этот раз с документом, подтверждающим право на получение паспорта. Но где и как взять такой документ? Ведь он должен быть подписан не в сельском Совете, а в комендатуре округа, и подпись эта должна быть на соответствующем бланке, со штампом и печатью... А где их взять? Выходит, идея неосуществима?..

Но не оставляла она мою бедную головушку...

Обычно все свои начинания я любил обсуждать с друзьями. Но тут уж, упаси Господь! Никому ничего я не говорил. Ушел в себя и замкнулся. Это мое тревожное состояние заметила мама и стала допрашивать, не случилось ли чего со мной? Просила меня признаться, но я отвечал одно: года сказываются! В ответ она начинала тереть глаза: «Какие у тебя года? Ведь ты же еще ребенок!» Я пытался отшучиваться: «Ты, мама, по-видимому, до старости будешь считать меня ребенком?»

Но сердце матери, видимо, не обманешь.

Я стал уединяться все чаще и чаще. Я и до этого нередко уходил на чердак что-либо мастерить, например – берестяные туески. Мама знала, что я их делаю, и всегда меня за это похваливала: они получались и действительно загляденье. Посуду в наших краях трудно было достать, да купить особенно не на что. Поэтому мои туески заметно помогали в хозяйстве и считались хорошим, лучше не надо, подарком друзьям и соседям – в общем, шли нарасхват.

Но вдруг однажды мама увидела, как из кармана у меня выпал бесформенный кусок какого-то совершенно неизвестного ей материала... ни камень, ни дерево. Что такое?

Но это как раз и была моя тайна.

Я уже много месяцев потихоньку собирал конверты от писем, которые из разных мест приходили в наше село, и пытался воспроизвести оттиски незамысловатых штемпелей. Опыты свои проделывал на чердаке, где у меня была настоящая мастерская. Благо, что дом наш был покрыт большими листами березовой коры – под этой кровлей у меня было столько тайников-карманов, что запомнить, где какая вещь лежит, – и то была целая проблема. Но я продолжал тщательно прятать всякую мелочь – ни одна живая душа не должна знать о моих дерзких опытах.

Сотни опытов, сотни! И все они пока не давали нужного результата. Но неудачи меня не останавливали, а только подстегивали: пробуй снова и снова. Медленно, шаг за шагом, шел я к намеченной цели. И вот однажды я получил оттиск, близкий к оригиналу. Это вселило еще большую уверенность: я на верном пути. С удвоенной энергией и упорством я продолжил свою работу. Это была и в самом деле настоящая, серьезная работа, а не какая-либо забава. И вот, наконец, я увидел, что оттиск полностью соответствует оригиналу.

Теперь передо мной встала следующая задача: чтобы довести это дело до конца, мне нужен был надежный человек. В колхозе работал бухгалтером мой хороший знакомый Гавриил Бондаренко, или просто – Гаврик. Он был всего на два года старше и часто приглашал меня помочь ему в конторе. И я всегда с удовольствием помогал ему.

Вот и решил я обратиться к нему с просьбой: не смог бы он дать мне неучтенный документ с печатью и штампом комендатуры? Сначала он удивился, а потом сказал: «Попробую поискать». И однажды он принес мне хорошо сохранившийся документ, но предупредил: с возвратом! Я ответил: мол, конечно, с возвратом, но ты, друг, дай мне несколько листов чистой бумаги. И эту просьбу он тоже выполнил. Спрятав все под рубашку, я побежал к своим тайникам на чердаке.

Много дней я провел над воспроизведением штампа и печати грозного учреждения. Наконец результат оказался хорошим, и я принес показать тот оттиск Гавриилу. А он долго не мог поверить, что это моя работа: скажи, говорит, честно, где ты нашел эти бланки? И потом вдруг попросил меня взять его в компанию – ему тоже хотелось на волю. Я с радостью согласился: что ж, двое – лучше, чем один!

Теперь нужно было решить, как нам действовать дальше. Рассуждая, как можно использовать эти бланки, мы решили, что с их помощью вполне можно появиться на родине и получить паспорта. Ну, а там дальше будет видно, куда можно устроиться на работу. Был бы паспорт!

Мечты, мечты... Но как их осуществить? Прорабатываем вариант накопления хоть каких-то средств для дальней и небезопасной дороги: а что, если нам «заработать» за счет таких же справок? Ведь вернуться на родину – голубая мечта каждого ссыльного.

Решаемся пойти в ту деревню, где нас никто не знает, и попробовать предложить вариант освобождения. Заготовили примерный текст справки. Получилось неплохо. Поговорили с одним мужиком, потом с другим: бояться, а не обман ли это? Мы вошли в роль и говорим: «Не хотите на свободу – не надо!» И пошли дальше, но когда оглянулись, увидели: мужики пытаются нас догнать. «Дороговато, – говорят. – Да ладно – пишите». У Гавриила был очень красивый почерк, и он заполнял бланки с таким мастерством, что мужики только ахали: «Ну молодцы, ребята, ну молодцы!» Таким образом, скопив небольшую сумму денег, мы стали готовиться в дальнюю дорогу: заготовили справки для себя и раздобыли за малую цену старенькое охотничье ружье – на всякий случай...

Родители на этот раз не пытались отговаривать нас – так решительно, по-видимому, мы были настроены. Но мать есть мать. И вот она говорит мне: «Миша, неужели ты не намучился первый раз и хочешь повторить все сначала?» Я ответил: «Теперь, мама, мы идем на свободу, так что не плачь и не скучай». Она, конечно же, плакала: «Знаем, сынок, мы эту свободу!»

Ранним летним утром 1936 года с котомками за плечами, соблюдая осторожность, окольными путями мы вышли из Нижней Моховой. В стороне от нашей дороги находилось кладбище, где несколько лет назад был похоронен мой отец, и я с грустью сказал своему спутнику: «Гаря, давай зайдем!» Он ответил: «Как ни зайти, ведь я тоже хорошо помню твоего отца». Мы долго ходили по заросшему сорняками кладбищу и, наконец, увидели на березовом кресте еле сохранившуюся надпись. Постояли немного, и я сквозь слезы сказал: «Прости, отец! Я пошел в другую жизнь. Пожелай мне удачи!»

Выйдя на дорогу, мы долго шли молча. Да и о чем можно говорить в такие моменты?

Наше молчание нарушил внезапно выскочивший из зарослей на дорогу заяц. Словно издеваясь над нами, идущими с ружьем, он спокойно прыгал по дороге, показывая нам свой еще не вылинявший хвост. Эта забавная идиллия развеселила нас – приятно было видеть впереди себя этого смельчака. Но вдруг за крутым поворотом болотистой дороги мы его не увидели. Куда делся? Пройдя еще сотню метров, мы обнаружили отпечатки лисьих лап: вот почему заяц покинул нас! После этого мы шли и рассуждали: как хорошо, что звери обладают таким чутьем! Как иначе избавиться от неминуемой гибели? Вот бы и людям так!..

Что ж, заяц показал нам пример осторожности. Будем беречься и мы. Ведь «береженого Бог бережет», как говорила, напутствуя меня, мама.

Пройдя несколько километров, мы через мелколесье увидели сначала дымок над трубой, а потом и первую крестьянскую избу на нашем пути... Через село шли так: я, изображая пойманного злоумышленника, – впереди, а высокий ростом Гавриил – с ружьем сзади. Он – конвоир.

Прошли село, зашли в кусты, сели и, как ненормальные, расхохотались до слез: «Пронесло? Пронесло!» Сняли котомки, достали еще не успевшую остыть печеную картошку, вареные яйца, кусочек сала и специально выпеченный хлеб без добавок лебеды. Мать, зная мое равнодушное отношение к блинам, напекла их побольше и, каждый сложив вчетверо, доверху наполнила ими разрисованный берестяной туесок.

Это был самый красивый туесок, сделанный мною последним. Вообще – последний мой туесок...

Отдохнув от первой усталости, мы ускоренным шагом пошли дальше по известному лишь мне трудному пути. Теперь-то нам вдвоем гораздо веселее! Правда, веселости этой немного, ведь в каждом населенном пункте нас могли задержать.

План нашего побега мы разрабатывали так: по крайней мере, первые два-три дня ни в селе, ни в колхозе никто не должен знать о нашем исчезновении. Дома предупредили: никому ни слова. На всякий лихой случай взяли ружье – вот и изображаем теперь доставку арестованного в какой-то поселок впереди. Некоторые встречные, особенно женщины, ахали: «Вот ведь какой молодой, а уже успел набедокурить! Что творится кругом, ну что творится?!» Нам самим, по молодости лет, такое шествие очень нравилось...

Но вот беда, когда в одном из сел мы проходили мимо комендатуры, нас заметили конные милиционеры, стоявшие около дороги. Кто-то из них крикнул нам вслед: «Веди, веди этого разбойника!» Мы ускорили шаг и уже подходили к густому лесу, куда вела наша дорога, как вдруг сзади услышали громкую команду: «Задержать их и проверить, кто такие, откуда ружье!?» Конники бросились в нашу сторону, но мы уже в непроходимом лесу: скорее дальше, скорей! Мы еще долго слышали лай дворняжек да ругань всадников: «Вот гады – обманули!»

Пробыли мы в этом лесу до темноты. Ночью, озираясь по сторонам, вышли на дорогу – и дай Бог ноги!

На следующий день мы решили избавиться от нашего ружья, как говорится «от греха подальше». Проходя через мост над бурной речушкой, бросили посередине реки то, что нас спасало не раз, но вчера чуть было не подвело...

На пятые сутки мы пришли в деревню, где жила семья Гавриила. Родня с плачем обнимает его и все приговаривает: «Ах, какой ты, Гаря, стал большой. Ни назови ты себя, мы бы тебя и не узнали!»

Вечер прошел в расспросах: «Что они там? Все ли живы? Как там твой братик: он же ведь был совсем ребенок?» Мой друг был хорошим

рассказчиком и подробно обо всем доложил, и я тоже с интересом слушал историю еще одной ссыльной семьи...

Утром, когда позавтракали, Гавриил отправился в милицию, за паспортом. А я не знал, куда себя деть. Как я волновался! Вдруг сейчас явится и с порога выпалит: «Мы пропали»?!

Но этого не случилось. Дверь с шумом открылась, и еще на входе в избу Гавриил так саданул себя по груди, что звон пошел: «Завтра в этом кармане будет паспорт!» От радости у меня перехватило дыхание, слезы навернулись на глаза. Но тут же холодной змеей в сердце закралась тревожная мысль: а почему завтра? Почему не сегодня?! Вдруг это всего лишь проверка?..

Бессонная ночь прошла в тяжелом томлении: что нас ждет утром? Прикидывали варианты: как нам себя вести в том или ином случае? Что говорить? Чем оправдываться?

Но этого не понадобилось. Вскоре временный паспорт надежно лежал в кармане Гавриила. Мы стали собираться в дорогу на мою родину. Что мне скажут там?

Перед самым уходом в Курью произошло событие, в каком-то смысле предопределившее всю мою дальнейшую судьбу: Гавриил позвал меня на чердак дома и, покопавшись в каком-то старом хламе, достал нечто, завернутое в тряпки. Когда он развернул их, я увидел покрытый ржавчиной пистолет или «леворверт», как он мне тогда прошептал. Откуда взялся и каким чудом сохранился, не известно. Но это был тот самый пистолет Браунинга, с которого и началась моя любовь к оружию!

Гавриил взял пистолет с собой в Курью, спрятав в вещевом мешке. Поселившись у моей сестры Нюры, мы первым делом определили место хранения для него – в погребе под домом.

Через день мне, как и Гавриилу, выдали временный паспорт, и мы с ним пошли устраиваться на работу в курьинскую МТС (машино-тракторную станцию). Гавриила взяли бухгалтером, а меня – учетчиком.

Много дней я ждал момента, когда в доме сестры никого не будет, чтобы достать из погреба пистолет и как следует рассмотреть его на чердаке дома: там и светло, и спокойно. Наконец, момент настал. Затаившись на чердаке, я развернул тряпки, в которые было завернуто это «нечто», неизвестное мне доселе, и – замер: и страшно, и интересно! Потом трясущимися руками принялся разбирать эту, как мне казалось, чудо-технику. Все было покрыто ржавчиной, тем не менее, я быстро справился с разборкой. Для меня открылся новый мир механизмов – мир оружия! Я был поражен тем, насколько все в этом пистолете совершенно: каждая деталь сделана с удивительной простотой и изяществом. Я удалил битым кирпичом ржавчину с деталей. Собрал, разобрал, снова собрал.

Держа оружие в руке, я испытал сильное желание проверить его работу, пострелять из него где-нибудь в укрытии. Но патронов у меня не было: может, их не было и у Гаврика? Или он не решился доверить их мне, зная мои таланты мастерового? Опасаясь быть застигнутым врасплох,

я спрятал пистолет в куче старых вещей, надеясь, при случае продолжить его изучение...

Прошло несколько относительно спокойных месяцев нашего пребывания в моем родном селе, и вдруг снова начались неприятности.

Однажды вечером накануне Нового года в наш дом пришел милиционер. А на следующее утро я уже сидел в комнате с решетками на окнах и упорно твердил одно и то же: «Никакого пистолета у меня не было и нет!»

Вспомним, когда это было, в какие непростые времена... Разве мог я признаться, хорошо представляя, что это будет не только моя вина, но и вина всей семьи? Сестры, принося передачу, со слезами на глазах упрашивали меня сдать этот злополучный пистолет, но я им отвечал, что его у меня нет.

Несколько дней заключения показались мне вечностью. Время от времени приходили в голову мысли о побеге. Я начинал разрабатывать план действий, но вскоре сам же убеждался в невозможности этой затеи.

Чтобы хоть как-то отвлечься от грустных мыслей, я начал вслух читать стихи моих любимых поэтов – Некрасова и Есенина. Потом вспомнил и свои собственные, читал их и с горечью думал: «Почему жизнь увела меня от нежной поэзии в стихию жестокой технической мысли?»...то есть к «вечному двигателю»?..

Сидя в камере предварительного заключения верхом на деревянной, грубо обструганной скамейке, я опять начал думать о своей несбывшейся мечте. Снова и снова задавая себе вопрос: «Почему же я не смог в школе довести до рабочего состояния свой вечный двигатель? Ведь все, кому я демонстрировал отдельные его детали и узлы, все были единомышленны в своем мнении: «Должен работать»!

И я начал мысленно разбирать его, как бы раскладывая перед собой все детали... Но вдруг они стали изменять свою форму, постепенно превращаясь во что-то другое, очень знакомое. Что бы это такое могло быть?.. И тут я понял, что это уже не детали вечного двигателя, а части того самого пистолета, который стал виновником моего заключения за решетку. Да, это и в самом деле – он! И так со мной повторялось несколько раз. Это было как наваждение: то его контуры четко вырисовывались, то исчезали, оставляя в памяти лишь силуэт, размытый отпечаток...

– Ты что, оглох?! – вывел меня тогда из забытья голос дежурного. – Давай на допрос. К начальнику!

Начальник сказал, что ему совершенно точно известно: я храню оружие, хотя закон запрещает это делать. Конечно, я до своего ареста мог и не знать этого, но здесь, в милиции, мне об этом уже сообщили. Так что у меня было достаточно времени поразмышлять о том, что меня ждет...

– Ты все понял? – строго спросил начальник. – На новогодние праздники мы тебя отпускаем. Так что теперь иди домой и исправляй свою ошибку!

Переминаясь с ноги на ногу, я не решался поверить в это. Не мог понять, шутка это или действительно – свобода?.. Всю дорогу мне казалось, что кто-то идет за мной следом, кто-то смотрит за каждым моим шагом.

Подойдя к дому сестры, я долго не решался открыть дверь: был уверен, что увижу того самого милиционера, который приходил за мной. Но вместо него я увидел заплаканную Нюру, которая сначала оторопела от моего неожиданного появления, а потом сразу же принялась меня упрекать и уговаривать сдать пистолет.

В тот же вечер появился Гавриил, и посоветовавшись, мы решили немедленно уехать к его брату в Казахстан.

Я начал готовиться к отъезду, намеченному на следующее утро. Не помню уже почему, но сестра в тот день была дома одна. Мне просто повезло с этим! Я старался собраться быстро и незаметно для нее, но Нюра все поняла и принялась отговаривать. При этом так плакала, что я не знал, как ее успокоить?.. Начал говорить, что если не уйти сейчас, то нас наверняка снова посадят и, быть может, расстреляют!.. Я старался придать своей речи побольше безысходности и отчаяния, и вскоре сестра, видя мою решимость, вытерла слезы и начала собирать меня в дальний путь.

Чтобы уйти из села тайно, мы с Гавриилом решили заночевать вместе, а ранним утром идти до железнодорожной станции пешком, не пользуясь никаким транспортом. Ночью сестра несколько раз выходила на улицу: посмотреть, какая погода будет утром. Разбудила она нас словами: «Как же вы пойдете? Ведь в такую погоду даже плохой хозяин свою собаку на улицу не выпускает!» Действительно, всю ночь за окнами бушевала вьюга.

Тот, кто жил на Алтае, знает, какие бывают суровые зимы в этих местах. Иногда за одну ночь буран наметет такие сугробы, что из-за них даже домов не видно. Но у нас не было времени ждать хорошей погоды, и мы все-таки решили идти.

Пытаясь помешать нашим планам, сестра прибегла к последней уловке. Зная мое равнодушное отношение к блинам, она напекла их целую гору и угощала, приговаривая: «Ну, съешьте же еще хоть по одному блинчику! Дорога дальняя, где и когда вы сможете поесть?» Нюра всячески оттягивала время нашего прощанья, надеясь на чудо: вдруг мы передумаем и останемся дома. Нам же с Гавриком хотелось как можно быстрее покончить с этим тягостным расставанием, и мы торопили друг друга.

Когда же я, уже одетый, стоял на пороге, сестра внимательно оглядела меня и вдруг рассмеялась: «Как же ты пойдешь в своих поношенных валенках? В них тебе только на печи дома сидеть. Надевай мои новые, а я в твоих останусь».

Распрощавшись с нами, Нюра еще долго стояла на пороге дома и смотрела нам вслед.

Навсегда покидая родные края и своих близких, трудно удержаться от слез. Но мы были уже взрослыми мужчинами, принявшими столь серьезное решение, и обнаруживать свою слабость не хотели. Поэтому тайком, отворачиваясь друг от друга, мы вытирали свои мокрые щеки...

Шли какое-то время молча, оглядываясь по сторонам и ожидая преследования. Вскоре поняли, что нас окружают лишь покрытая снежной белизной степь да медленно ползущие по небу серые тяжелые облака.

Сунув замерзшую руку в карман, я почувствовал приятную прохладу металла, принесшего мне и радость познания, и горечь дальнейших событий, – это был он, виновник моих злоключений, мой первый оружейный знакомец. Пистолет несколько раз переходил из рук в руки. Мы понимали, что держать его у себя опасно и надо избавиться от него в ближайшем же овраге. Но как это сделать? Если сейчас снег все спрячет, то весной этот пистолет сможет легко обнаружить, и тогда уж нам точно несдобровать.

Но перед расставанием с пистолетом мы решили на прощанье пострелять из него – оказалось, что у Гаврика все же были патроны: около двадцати штук. Затем мы разобрали пистолет на отдельные части и стали разбрасывать их в заснеженных оврагах. А чтобы никто не смог найти детали в одном месте, разбрасывали их на большом расстоянии друг от друга на протяжении нашего пути. Наконец, расставшись с последней деталью, мы почувствовали огромное облегчение, словно скинули с плеч тяжкий груз. Одновременно с этим нас не покидало щемящее чувство утраты чего-то ценного, ставшего уже нам понятным, своим.

Сначала мы шли молча, каждый по-своему переживая потерю пистолета, а потом ускорили шаг, пытаясь скорее отвлечься от нахлынувших чувств.

Быстрая ходьба не в меру разогрела нас, а тут, как на грех, подул встречный ветер с колючими хлопьями снега. Идти становилось все трудней и трудней... Одежда постепенно покрылась изморозью и начала сковывать движения. Руки уже с трудом дотягивались до лица, чтобы смахнуть снег и хоть как-то защититься от обжигающе холодного ветра.

Дорогу так замело, что мы продвигались почти наугад, часто сбиваясь с пути и падая в рыхлый снег. Метель все усиливалась. Разговаривать при такой непогоде было совершенно невозможно, и мы, чтобы посоветоваться, остановились и тесно прижались друг к другу. Гавриил вспомнил, что где-то читал о том, что в подобной ситуации следует зарываться в снег и ждать, пока успокоится разбушевавшаяся стихия. Иначе путник обречен на гибель. Трудно было представить, как долго будет продолжаться эта снежная круговерть? И потому мы решили воспользоваться прочитанным Гавриком методом.

Совершенно не понимая, где находимся, мы наугад сошли с дороги, надеясь найти рыхлый снег для нашего убежища: движемся, едва переставляя ноги, осторожно ощупывая ногой каждый бугорок и каждую ямку. Если бы в тот момент нам на пути встретилась медвежья берлога,

мы, не раздумывая, залезли бы в нее, чтобы укрыться от этой безжалостной вьюги. Но вот под нашими ногами рыхлый снег, идем, все глубже и глубже утопая в нем. Наконец, останавливаемся и начинаем сооружать укрытие. Окоченевшие руки с трудом разгребают снег, а непослушные ноги в обледенелой обуви едва утрамбовывают его. Я, шутя, спрашиваю Гаврюху, не вычитал ли он, как надо отделять подобное жилище изнутри?

И вот дело сделано: берлога наша готова! Мы заползли в нее и сели как можно ближе друг к другу, пытаюсь согреться. Разговаривали мало. Нас начал одолевать сон. Мой друг вспомнил, что в той же книжке было написано: когда человек замерзает, ему неудержимо хочется спать. Этот сон может оказаться последним в его жизни... Мы тут же представили, что, если такое случится, нас зимой никто не будет здесь искать. И лишь весной, когда снег начнет таять, нас смогут обнаружить, если до этого мы не станем легкой добычей голодных хищников. Чтобы такого не случилось, мы решили бороться со сном, не давая друг другу заснуть. А как это сделать? Разговаривать? Но разговор чреват тем, что если не уснет говорящий, то уж слушающий уснет наверняка. И лишь наше дружное совместное пение сможет удержать от соблазна «немножко вздремнуть».

Каких только песен ни слышала алтайская степь в те томительные часы ожидания хорошей погоды! Наш песенный репертуар не был рассчитан на столь длительное время, а потому мы, словно вызываемые на бис, повторяли одни и те же песни по несколько раз.

Через некоторое время мы, совершенно охрипшие, попытались встать, чтобы взглянуть, какая над нами погода и не замурованы ли мы намертво в этом склепе. Но легко ли встать после такого сидения? С большими усилиями, опираясь на меня, Гавриилу все же удалось подняться. И вдруг я услышал его почти истерический крик: «Вижу! Ограда! Ограду вижу!» Я тогда не поверил своим ушам.

Позже, когда я и сам увидел это, от волнения спазмы перехватили горло, а по щекам произвольно потекли слезы. Мне уже не было стыдно за свою слабость. Да и потом, это были слезы радости: ведь всего двести – триста метров отделяли нас от ограды, а значит, и от чьего-то жилища.

Воодушевленные, мы выбрались из своего добровольного заточения и с большими усилиями добрались до заветной цели – крестьянской избы, почти до крыши занесенной снегом. Добрые хозяева, по-видимому, привыкшие к любым неожиданностям в такую погоду, почти не удивились, когда мы, замерзшие, в обледеневшей одежде, ввалились к ним в дом и тут же беспомощно осели на пороге, почувствовав долгожданное тепло от жарко натопленной печи.

Пока с нас стаскивали огрубевшую одежду и обувь, в избу внесли деревянное корыто, наполненное снегом. Хозяева с трогательной заботой принялись растирать наши обмороженные руки и ноги, приговаривая: «Миленькие, потерпите немножко, все будет хорошо». Никогда еще мне

не приходилось чувствовать такую жгучую боль. Хотелось кричать, но оба мы мужественно терпели.

Накормив нас и напоив крепким чаем, хозяева стали расспрашивать: кто такие и куда держим путь. Мы, конечно же, не могли сказать им всей правды. Да и они, кажется, поняли это. Хозяева предложили нам остаться переночевать, и мы с радостью согласились.

Поздно вечером, прислонившись спиной к жаркой печке, я вдруг почувствовал, как приятное тепло струйками растекается по моему телу, и начал проваливаться в какой-то мягкий, теплый, обволакивающий туман... Первый раз в жизни я упал в обморок. И снова добрые люди хлопотали возле меня, приводя в чувство. Идти в таком состоянии в плохую погоду было бы безумием, и нам пришлось переждать еще пару дней.

Наконец установились ясные безветренные дни, и мы, поблагодарив заботливых хозяев, отправились в дальнейший путь. При подходе к железнодорожной станции снова вспомнили об опасности преследования и решили дальше идти по одному, стараясь не попадаться на глаза милиционерам. Но наши предосторожности были напрасны: никто, похоже, нас и не искал.

И вот мы уже в поезде, на пути к конечной цели. Лежим на третьей полке (на той, которая для багажа и безбилетных пассажиров) и обсуждаем события минувших дней. С тоской вдруг вспомнилось о доме, о своих родных: надо будет подать им весточку о себе, успокоить. Договорились, что, как только устроимся, пошлем им письмо через дальних родственников.

В Казахстане, на станции Матай, мы вышли из поезда. Добрались до депо. Разыскали брата Гавриила. Тот, конечно, не ожидал увидеть нас зимой, в разгар школьных занятий, но после сбивчивых объяснений понял, что деваться некуда – нас надо выручать. Когда мы шли к нему домой, он сказал: «Ну что же. Пока побудете у нас. Мы с женой живем на колесах. Найдем и для вас местечко». Я сначала подумал, что ослышался: как это можно жить на «колесах»? Но оказалось, что многие работники паровозного депо живут в вагонах, или, как их называли, в теплушках.

Зашли в вагон – «квартиру», где отдельные комнаты образованы за счет подвешенных одеял. Чувствовалось, что даже в таких условиях женские руки смогли создать некое подобие домашнего уюта. Вот у стены маленький столик, покрытый белой скатертью, на гвозде у рукомыльника висит расшитое полотенце, у окна на специальной полочке растут цветы, а в рамке за стеклом – потемневшие от времени и паровозной гари фотографии. Приоткрыв висящее одеяло, вошли и увидели аккуратно заправленную железную кровать со стопкой взбитых подушек. Словом, квартира как квартира!

После нашего размещения «на колесах» мы откровенно рассказали брату Гавриила всю историю наших недавних злоключений. Затем обсудили главный вопрос: как нам жить дальше, и договорились,

что на следующее утро мы вместе с ним пойдем к руководству депо решать вопрос о нашем устройстве на работу.

Так началась моя трудовая жизнь. Гавриила, закончившего курсы, зачислили бухгалтером, а меня – в эту же бухгалтерию учетчиком. Жилье нам предоставили в плацкартном вагоне, который громко называли «Дом ИТР» (инженерно-технических работников).

К работе мы приступили не то что бы с охотой – с большим энтузиазмом. Старались как можно быстрее освоиться в своих должностях. Этому способствовала и та атмосфера доброты и внимания, которую мы сразу почувствовали вокруг себя. Мы были вполне довольны своей, так удачно складывающейся новой жизнью. Что там говорить: повезло!

Прошло несколько месяцев. Меня приняли в члены Комсомола. Все складывалось удачно, и вдруг узнаю, что меня вызывают в политотдел. Я был в панике – ожидая любых неприятностей. Но оказалось, наша комсомольская организация рекомендовала меня на работу техническим секретарем в политотдел 3-го отделения Туркестано-Сибирской железной дороги. Для меня это было полной неожиданностью. Это значило, что коллектив доверяет мне, и я должен это с честью оправдать.

В отделе кадров сказали, что надо принести две фотокарточки. Я, зная особенности своего лица, решил кое-что улучшить. Кому же не хочется в восемнадцать лет быть красивее? Глядя на себя в зеркало, я видел, что от худобы щеки мои ввалились, и вид был истощенный, и я попробовал исправить положение с помощью... картофеля, вернее – двух сырых картофельных кругляшей.

Перед тем, как замереть на стуле перед фотографом, я заложил их по одному за каждую щеку – и получилось неплохо. На фотографии я выглядел более солидно, чем в жизни – все-таки технический секретарь политотдела Туркестано-Сибирской железной дороги. Признаюсь, этот опыт я «взял на вооружение» и в дальнейшей жизни еще не раз использовал...

Работа в политотделе мне очень нравилась. У меня был красивый почерк, и мне поручили оформление документов и различных бумаг. Кроме того, надо было отвечать на телефонные звонки. Более года – до того, как меня призвали служить в Армию, я проработал в политотделе.

За это время мне посчастливилось близко узнать многих прославленных работников паровозного депо – машинистов, водивших поезда на дальние расстояния, мастеров и рабочих, работавших в железнодорожных мастерских. Часто в свободное время я бежал в мастерские и с удовольствием осваивал рабочие специальности. С некоторыми из моих наставников дружеские отношения сохранились на всю жизнь. И я благодарен судьбе за то, что она привела нас к людям, на всю жизнь привившим мне любовь к творческой работе за простым слесарным верстаком.

У меня появилось много новых друзей, с которыми жить стало веселее. Я помню, как интересно мы проводили выходные дни. Работая в политотделе, я «попал под влияние» заядлых, умудренных большим опытом охотников, на всю жизнь прививших мне любовь к охоте и бережное отношение к природе. Они несколько раз брали меня с собой на озеро Балхаш, а там – и рыбалка, и добычливая охота. Я с удовольствием вспоминаю те благодатные места и то время.

Надо сказать, что впервые в жизни я взял в руки охотничье ружье в шестнадцать лет, когда мы с Гавриилом уходили из Нижней Моховой. Но настоящий азарт охотника пришел несколько позже, в Казахстане. Думаю, что охоте надо посвятить отдельную главу...

А теперь хочу кое в чем признаться...

До выхода в свет в 1997 году моей книги «От чужого порога до Спасских ворот» я никому никогда не рассказывал историю нашей семьи, историю ее раскулачивания. Многие десятилетия это было «закрытой темой» моей жизни. Будучи уже далеко не молодым человеком, я много раз пытался написать об этих днях моей юности, но «рука не поднималась»: трудно расставаться с тайной, которую хранил всю свою жизнь...

Да и можно ли было в наше прямолинейное время обнародовать эту часть моей биографии? Конечно, это бы неминуемо отразилось на моей творческой судьбе, на взаимоотношениях с руководящими структурами власти. Там быстро бы нашли в моих откровениях много такого, что «с идеологической точки зрения» не позволило бы мне стать тем, кем я стал. Кто бы разрешил мне работать в такой секретной области, как вооружение?.. Узнай кто-нибудь тогда эти подробности моей жизни – я сразу был бы вышвырнут на обочину дороги, по которой шел оборонный комплекс. А тот, кто всю жизнь заискивал перед сильными мира сего, пытаясь им угодить, кто перед властью имущими пресмыкался, наверняка не упустит бы случая побольней укусь человек, сказавшего правду о себе...

И вместе с тем, я уверен: моя сокровенная история – не такое уж необычное дело! И, слава Богу, что так оно все устроено: пусть у человека его тайну никто и никогда не сможет ни отобрать, ни выведать. Лично я всегда считал, что скрываю ее ради дела.

Как это ни удивительно, но даже никто из моих самых близких родственников, детей и внуков не знал о тех событиях, о которых я написал тогда в книге. Легко ли было держать это в себе за семью замками на протяжении всей жизни?..

Возможно, кто-то скажет: «Да он, наверняка, и сейчас не все говорит о себе!» И, возможно, что будет прав: кто из нас Богу не грешен, царю не виноват? Каждый человек уносит в небытие какую-нибудь свою тайну...

История моего первого побега из ссылки, это история не только о невероятных трудностях пути, по которому в прямом смысле я прошел в молодости. В переносном смысле тот путь, пожалуй, был намного трудней и опасней. И когда я плакал от стыда и обиды, стоя с протянутой

рукой под чужими окнами и перед чужими порогами, я ведь, пожалуй, просил не только кусочек хлеба...

Мне многое далось. Я благодарю за это судьбу! Я всегда очень любил свое Отечество, какие бы сложные и какие бы горькие ни переживало оно времена...

Солдат своего отечества

В августе 1938 года меня призвали на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию – РККА.

На сборном пункте призывников я с завистью смотрел на сверстников, которых зачисляли в летные войска, в артиллерию или танковые части. Туда, как правило, брали физически сильных ребят, а я себя таковым никогда не считал: и невысокий, и щуплый... Но все-таки решил попытаться счастье, обратившись непосредственно к руководителю отборочной комиссии с просьбой о зачислении в танковую часть. Рассказывал ему о своей неудержимой тяге с детских лет к технике, о том, как в школьные годы даже пытался изобрести вечный двигатель...

Видимо, речь моя была настолько убедительной, что мечта сбылась – меня зачислили в танковые части. А по прибытии к месту службы в западно-украинский город Стрый – определили в учебную роту, в которой готовили механиков-водителей танков.

Мы стали курсантами. Командиры проводили с нами занятия по изучению боевой техники и по различным военным дисциплинам, в том числе и по строевой подготовке. При этом большое внимание обращалось на выправку курсантов, на опрятность в одежде, на умение слаженно ходить в строю, петь строевые песни. Словом, нас учили четко выполнять все уставные обязанности.

Во время строевой подготовки мое место в строю было предпоследним – по причине маленького роста и отнюдь не блестящей выправки. К тому же я был явно не из лучших курсантов во время пения и маршировок, что давало повод постоянным шуткам нашего ротного старшины. Вскоре у нас с ним сложились своеобразные отношения. Он с особым удовольствием делал мне замечания, все время называя при этом «предпоследним». Его не всегда корректные придирки вызывали во мне желание постоять за себя и ответить, что я и делал. Чаще всего это заканчивалось ответной «наградой» – нарядом вне очереди.

Курсанты, получавшие такое наказание, должны были мыть полы в казарме и, что самое неприятное, – мыть отхожие места, туалеты. Но даже это не могло заставить меня не обращать внимания на обидные слова старшины: много раз мне приходилось по его команде мыть полы, работать на кухне, перезаправлять кровать, перешивать подворотничок, одному отрабатывать ходьбу строевым шагом и так далее...

Сейчас, спустя не один десяток лет, я могу «оценить» наше противостояние с другой стороны: многое умею и делаю сам, в чем, возможно, есть некоторая заслуга старшины!.. Как-то мы с внуком Игорем вдвоем чистили картошку, и тот, увидев, что отстаёт от меня, ревниво

спросил: «Где ты так наловчился, дед? Тебя не догонишь!» Я ответил: «Как это где? В Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Когда отработывал на кухне наряды вне очереди!» Внук уловил, что я при этом невольно вздохнул и сочувственно спросил: «Тяжело было?» Я промолчал в ответ. Как признаться ему, что я получал эти наряды лишь потому, что не уступал старшине, не сдавался...

Это наше противостояние продолжалось на глазах у всей роты. Но, наконец, разрешилось... самым неожиданным образом.

Однажды, получив в очередной раз наряд вне очереди и уже закончив мыть пол в казарме, я подошел к товарищам, занимавшимся выпуском боевого листка. Листок, размером в половину газетной страницы, готовился ротной редколлегией и вывешивался на самом видном месте. Он должен был отражать все последние события в жизни нашего подразделения, и в том числе, конечно же, указы старшины. В задачу редакторской группы входило освещение как хороших, так и негативных явлений.

Я с интересом принялся разглядывать будущий листок, и тут мне на глаза попала записка старшины: «Изобразить «предпоследнего» во время строевой подготовки». Я сразу понял, о ком идет речь... и вдруг на меня накатило вдохновение!.. Попросив лист бумаги и карандаш, я сел на подоконник и буквально за несколько минут выполнил задание старшины: в смешных стихах создал очень самокритичный образ!..

Ребята остались очень довольны моей работой и, нарисовав соответствующие карикатуры, поместили мое творение в газету.

Вечером после занятий курсанты, плотным кольцом окружив старшину, слушали, как тот под их заразительный хохот нараспев читал один куплет за другим. Время от времени он вытирал глаза от неудержимого смеха. Строки, посвященные «предпоследнему», зачитал несколько раз и, обращая ко мне, сказал: «Вот видишь, до чего дожил – уже все взяли за твое воспитание!» Друзья, знавшие о моем личном участии в этом «воспитании», многозначительно заулыбались...

На следующий день все курсанты узнали, что автором этих строк был я сам. Наш старшина совершенно не ожидал такого оборота – ведь он сам вчера с таким удовольствием перед всей ротой читал стихи «предпоследнего» о «предпоследнем», да еще и нахваливал их!.. Ему ничего не оставалось делать, как назначить меня членом редколлегии боевого листка.

С тех пор я прочно занял почетное место «ротного поэта» и вскоре мои стихи начали печатать в окружной газете. Вся рота читала их и, конечно же, гордилась своим сослуживцем. Был горд и наш старшина, считая, что он тоже участвовал в творческом становлении ротного поэта.

В начале 1940 года я написал несколько стихотворений и отправил в армейскую газету. Их напечатали. Вскоре после этого меня послали в Киев на слет молодых армейских литераторов.

Как сейчас помню, в президиуме были известные в ту пору армейские писатели и поэты. Шел разбор творчества начинающих литераторов.

Много было и серьезных, и шуточных выступлений. Молодые солдаты-литераторы сами не раз дружно смеялись, когда со сцены зачитывались их немудреные творения. Некоторые на крыльях своей поэтической фантазии улетали так далеко, что, не имея большого словесного багажа, выдавали истинные «шедевры». Помню, зал взорвался смехом, когда зачитали произведение молодого тульского парня, сравнившего свою любимую девушку, ее красоту и добрый характер с дорогим его сердцу тульским самоваром...

Но все это не обижало нас, молодых авторов. Да и как обижаться – разбор был по-доброму поучительным и полезным. Встречались и интересные, почти профессионально написанные произведения. Иногда было трудно поверить, что все это сочинили молодые парни – солдаты и сержанты.

Возвратившись из Киева в воинскую часть, я был удивлен тому, как изменилось отношение нашего старшины ко мне, «предпоследнему». Стоило мне стать в строй, как он задумчиво начал ходить туда-сюда вдоль строя, потом остановился напротив меня и негромко, но весьма торжественным голосом скомандовал: «Курсант Калашников! Поменяться местами с соседом справа!» Мы поменялись – и я оказался третьим с краю. Придирчиво оглядев строй, старшина снова приказал: «Ищ-ще раз поменяться с соседом справа!» Это повторялось несколько раз, я был уже восьмым от конца шеренги, потом девятым, но ничего не получалось... Не удавалось старшине спрятать меня таким образом, чтобы явно не нарушить ранжира. Печально вздохнув, он приказал мне занять свое обычное место – предпоследнее...

Тут уж я ничем не мог ему помочь – я стремительно рос только в его глазах!..

Служба армейская шла своим чередом: занятия по освоению техники, изучение всей «начинки» танка, оружия. Главное для механика-водителя, да и, пожалуй, для всех в экипаже, – хорошо знать материальную часть и отлично владеть ею в любых условиях. Теоретическая учеба сочеталась с практической – вождением и стрельбой из всех видов оружия, находящегося в распоряжении экипажа. В том числе и из пистолета ТТ (тульского Токарева), которым тогда только что вооружили танкистов.

Во время таких занятий я сразу обратил внимание на неудобство использования пистолета ТТ при стрельбе из специальных щелей в башне танка. Одно дело – стрелять из-за укрытия «на свободе», и совершенно иное – через узкую щель в бронированной башне. Я попытался устранить этот недостаток и изготовил специальное приспособление, которое делало стрельбу через щель в башне более прицельной. А для повышения эффективности стрельбы из пистолета разработал магазин с увеличенным количеством патронов. В чем-то пригодился мне тогда и первый оружейный опыт с пистолетом Браунинга...

Постепенно в нашем солдатском коллективе организовался кружок рационализаторов. Не имея достаточного опыта и соответствующего

технического образования, члены этого маленького коллектива ставили себе различные технические задачи и, помогая друг другу, искали пути их разрешения. Конечно, все наши изобретения изготавливались и испытывались в нашей же части.

Работали мы увлеченно – таиться не надо, иди в мастерскую в любое время, какое удастся выкроить в перерывах основных занятий, и твори. Правда, перерывы становились все короче...

Дело в том, что в мае 1940 года командующим Киевским Особым военным округом стал Георгий Константинович Жуков. Конечно же, невольная магия имени этого великого русского полководца заставляет теперь извлекать из памяти подробности службы, которые сразу воздали бы ему должное... Но что было, то было: за два года перед этим мы не «наездили» столько, сколько летом и осенью предвоенного сорокового.

Днем и ночью мы утюжили гусеницами полигон, совершали марши на большие расстояния. Наши танки находились под непрерывным боевым напряжением, и содержать их постоянно в рабочем состоянии было для нас, механиков-водителей, нелегко. Но вот что удивительно: психологические и физические нагрузки возрастали, а у нас словно второе дыхание открылось, повысился интерес к службе, к совершенствованию знаний и навыков. Видимо, немалую роль сыграло и то, что мы тогда непосредственно во взводах, в ротах осваивали боевой опыт, полученный Красной Армией в войне с Финляндией и в боях с японцами на реке Халхин-Гол. Перед нами на каждом учении и занятии ставили задачу: учиться сегодня тому, что нужно будет на войне. Обучение войск максимально приближалось к условиям реальных боевых действий.

Еще одна особенность нашей службы проявилась в том же 1940 году – активизировался творческий поиск в изобретательской и рационализаторской работе в воинских частях, заметно повысился интерес к ней. Что, как мне представляется, тоже непосредственно связано с вступлением Г. К. Жукова в должность командующего войсками округа.

Атмосферу творчества всячески развивали и поддерживали командиры. Сейчас, к сожалению, забылись имена тех, кто ставил нас постоянно в условия своеобразных творческих конкурсов. В полках появились специальные стенды, на которых вывешивались информационные листы с тематикой проблем, предлагаемых для решения войсковым умельцам. Каждая тема имела практическую направленность на совершенствование эксплуатации и обслуживания техники и вооружения.

В один из горячих летних дней наша рота вернулась из учебного центра. Казалось, полигонная пыль въелась в броню и пропитала ее насквозь. Пришлось всем экипажам изрядно потрудиться, чтобы прочистить каждый узел, каждый механизм.

Вот тогда-то командир роты, человек очень энергичный, то и дело подбрасывавший нам идеи для поиска, велел мне выйти из строя и задержаться. По-отечески взяв меня под руку, он спросил:

– Ты, Миша, не подходил к стенду, где объявления висят? Посмотри обязательно, что там написано. Нашим умельцам предлагают включиться в конкурс на создание одного интересного прибора, так необходимого нам, танкистам. Я думаю, это тебя заинтересует. Да и опыт у тебя уже есть...

Надо отдать должное нашему ротному – он хорошо знал индивидуальные особенности каждого из нас, умел заглянуть в душу, понимал, какую струну в ней затронуть. Мою тягу к «железкам», стремление покопаться в них, мои робкие попытки что-то конструировать он разглядел быстро.

Так командир буквально на ходу включил меня в проводившийся в части конкурс на создание инерционного счетчика для учета фактического количества выстрелов из танковой пушки. Не вдаваясь в подробности, скажу, что прибор, который я с помощью товарищей-курсантов изготовил и испытал, ставил заслон упрощениям и послаблениям при ведении огня танкистами на учениях и занятиях.

В моем архиве каким-то чудом сохранился любопытный документ шестидесятилетней давности – отзыв специалистов на созданный мною прибор: «Счетчик прост в изготовлении и безотказен в работе».

Это был первый маленький успех в моей едва наметившейся конструкторской деятельности. Я с благодарностью вспоминаю своего первого командира роты, сумевшего увидеть в угловатом, худеньком красноармейце, в том самом «предпоследнем», наклонности к техническому творчеству. И не просто увидеть, но и создать условия для их развития.

Я сейчас часто думаю: откуда только бралось время для работы над созданием приборов, различных приспособлений, если сутки были до предела насыщены занятиями, учениями, обслуживанием техники – словом, всем тем, что называется боевой подготовкой и является главным, определяющим в жизни военного человека, будь он солдат или генерал. И я понимаю теперь: у нашего командира роты, у командования части был истинно государственный взгляд на техническое творчество личного состава как на один из важнейших факторов повышенной боевой готовности. Да, со временем было трудно. Но для нас выкраивали «окна» в распорядке дня, давали дополнительную возможность поработать в мастерской, чтобы мы могли воплощать свои задумки в практические дела, в конкретные счетчики, различные приспособления.

Однажды, когда я был занят в танковом парке, ко мне подошли ребята из экипажа и посоветовали обратить внимание на листок, который только что повесил на стенд наш политрук.

На небольшом желтоватом листке было написано, что нашему вниманию предлагается ряд проблемных вопросов и каждый из нас может

принять участие в техническом конкурсе. Внимательно прочитав все, я остановился на одном. Предлагалось разработать прибор для фиксирования работы танкового двигателя под нагрузкой и на холостом ходу. Крупно выделялись слова: «Создание такого прибора имеет для танкистов важное практическое значение».

Это сегодня современный танк до предела начинен электроникой. Работу всех его агрегатов, узлов и механизмов чутко фиксируют десятки совершенных приборов. А тогда, полвека назад, многое приходилось дорабатывать, делать не в конструкторском бюро, а непосредственно в войсках. И нередко идея, предложение, разработка рядового механика-водителя позволяли вносить существенные конструкторские доработки в тот или иной узел, создавать непосредственно в частях новые приборы, значительно повышавшие качество эксплуатации техники.

Наверное, с той довоенной поры, когда сам по мере сил и возможностей вносил предложения в совершенствование конструкций техники, я и следую святому для себя правилу: советоваться с теми, кто выходит на рубеж открытия огня с созданным мною оружием.

Возвращаясь в 1940 год, скажу, что идея создания прибора захватила меня. После того, как я узнал о конкурсе, где бы ни был, чем бы ни занимался, мысли мои каждый раз возвращались к будущему счетчику моторесурса. Но как подобраться к практическому воплощению в жизнь? За основу решил взять принцип тахометра, который фиксировал число оборотов коленчатого вала, характеризуя работу двигателя на разных режимах. В ученической тетради обозначил в эскизном наброске контуры будущего счетчика. Но где брать материал для его изготовления, на какой базе мастерить, как выкраивать время для работы над ним?

И вновь на помощь пришел командир роты. Он дал мне возможность в часы самоподготовки заниматься расчетами, и вывел на полковую приборную мастерскую, где я пропадал в свободное после ужина время. Не буду вдаваться в детали работы над прибором. Замечу лишь, что она заняла несколько месяцев. Не знаю, кто из нас больше радовался: я или командир роты, когда я доложил ему об окончании работы и попросил разрешения испытать прибор на своем танке. Установили счетчик быстро. Признаться, не было предела нашему изумлению, когда убедились, что прибор уверенно действует и точно фиксирует работу двигателя под нагрузкой и на холостом ходу.

– Поздравляю, – энергично пожал мне руку командир роты, едва мы покинули машину, и добавил: – Сегодня же доложу о твоём успехе командиру полка. Он ведь тоже следил за твоим поиском.

Командир полка лично проверил счетчик в действии, подробно расспросил, как я его создавал. Это было внимание глубоко заинтересованного человека. Он хорошо понимал: творчество механика-водителя способствует решению важной задачи – повышению надежности эксплуатации танковой техники.

Было решено направить прибор на суд окружных специалистов. Командир полка распорядился командировать в штаб округа и меня.

Думал ли я, уезжая в Киев, что расстаюсь с родной частью навсегда? Конечно, нет!.. Рассчитывал через несколько дней вернуться обратно. Знал: роте, полку предстояло участвовать в крупных учениях. Но учения состоялись без меня...

О приборе доложили генералу армии Г. К. Жукову, и он дал команду, чтобы создатель счетчика прибыл к нему.

Не без робости я входил в кабинет командующего округом – прославленного генерала, героя боев на Халхин-Голе. Когда докладывал о своем прибытии, голос мой срывался. И, видимо, заметив мое состояние, Георгий Константинович улыбнулся. Исчезла суровость с его широкого лица, подобрел взгляд.

Командующий был не один. В кабинете находилось несколько генералов и офицеров. Все они внимательно знакомились с чертежами и самим прибором.

– Хотелось бы послушать вас, товарищ Калашников, – повернулся ко мне Г. К. Жуков. – Расскажите нам о принципе действия счетчика и о его назначении.

Так впервые в жизни мне довелось докладывать столь представительной комиссии о своем изобретении, откровенно говорить о его сильных и слабых сторонах. Много раз за последующие десятилетия конструкторской деятельности приходилось мне защищать созданные образцы, отстаивать свои позиции, драться за воплощение конструкторских идей в жизнь, иногда быть и битым. Но тот первый доклад, сбивчивый от волнения, не совсем связанный логически, врезался в память на всю жизнь.

Жуков предложил всем присутствующим дать оценку моей работе и внимательно выслушал каждого. Сам командующий подвел итог обсуждению: прибор оригинален по конструкции и, несомненно, позволит с большей точностью контролировать моторесурс танковых двигателей. А это, в свою очередь, даст возможность эффективнее вести борьбу за экономию горючего и смазочных материалов. Что и говорить, оценка была высокой!

По указанию Жукова меня направили в Киевское танковое техническое училище для проведения работ по доработке прибора. Там меня снабдили соответствующим документом – Справкой. Она была датирована 2 октября 1940 года и подписана исполняющим обязанности помощника начальника Училища, военным инженером 2 ранга Колесниковым. Это особенный для меня документ, а потому я хочу привести его дословно: «Дана настоящая (справка) красноармейцу-изобретателю тов. Калашникову М. Т. в том, что ему разрешается производить заказы на изготовление отдельных деталей по его изобретению в мастерских гор. Киева.» В этом официальном документе меня впервые назвали изобретателем!..

В мастерских училища мне предстояло изготовить два опытных образца прибора и подвергнуть их всестороннему испытанию на боевых машинах. В короткий срок это задание было выполнено.

И вновь встреча с генералом армии Г. К. Жуковым, уже после завершения испытаний. По времени она была гораздо короче первой. Командующий поблагодарил меня за творческую инициативу и объявил о награждении ценным подарком – часами. Тут же отдал распоряжение командировать красноармейца Калашникова в Москву. Мне предписывалось убыть в одну из частей Московского военного округа, на базе которой проводились сравнительные испытания прибора.

Не сохранились у меня часы, врученные Г. К. Жуковым. Но однажды напомнил мне о тех незабываемых днях конца 1940 года своим письмом военный журналист Анатолий Михайлович Киселев. Работая в архиве, он обнаружил экземпляр окружной военной газеты «Красная Армия», где рассказывалось о приеме командующим войсками округа красноармейца Калашникова.

Теперь, когда вокруг моей фамилии ходит столько самых разных легенд, появилась и такая: мол, в сорок первом, в самые трудные для России дни войны, Калашникова вызвал к себе Жуков и приказал: армии нужен безотказный автомат.

Этот сюжет очень любят журналисты за рубежом. Да и у нас иногда появляется эта фантастическая информация, зачастую обрастая «дополнительными» подробностями: великий маршал отечески положил руку сержанту на плечо и проникновенно сказал: «Сынок! Вся надежда на тебя!»

Этого, конечно же, не было.

Но было другое – смятение чувств рядового солдата: невольное благоговение перед уже знаменитым в ту пору генералом и робость перед ним... С одной стороны – гордость за свое изобретение, а с другой – страх: а вдруг всем этим умным генералам, собравшимся в кабинете командующего, прибор покажется примитивным и недостойным внимания?..

Хотя, признаться, в поисках своего вольного или невольного «крестного» я не раз потом мысленно возвращался к личности Георгия Константиновича Жукова... Да, были и перед встречей с ним те, кто помогал, наставлял, поддерживал – чем только мог. Но благословил-то и в самом деле Георгий Константинович. Именно с момента встречи с ним произошли в моей судьбе такие крупные перемены: я, солдат срочной службы, незадолго до начала войны встал на нелегкий путь конструирования.

Итак, с командировочным предписанием, с документами и двумя приборами я прибыл на сравнительные полевые испытания в Кубинку – в подмосковную воинскую часть. И там с сожалением узнал, что сравнительные испытания закончились – конкурсная комиссия уже определила победителя...

После некоторых разбирательств командованию части было приказано подвергнуть сравнительным испытаниям только что привезенные мною приборы. Они выдержали их с честью, достойно пройдя сквозь сито оценок придирчивых военных специалистов. И через несколько дней я

с огромной радостью прочитал заключение конкурсной комиссии, в котором говорилось о том, что мой «счетчик моточасов» (так он стал называться) в полной мере удовлетворяет всем предъявляемым требованиям и рекомендован для серийного производства.

Это была уже реальная победа!

После этого я не вернулся не только в часть, но и в свой округ. Распоряжением начальника Главного бронетанкового управления РККА меня командировали на один из ленинградских заводов, где счетчик после отработки рабочих чертежей предстояло запустить в серию.

Ранним весенним утром 1941 года я прибыл в Ленинград.

Впервые в жизни я прошел через проходную на территорию завода. Трудно было представить себе, что на этом гиганте будут осваивать производство моего небольшого прибора.

По-уставному докладываю главному инженеру о своем прибытии. Он, приветливо улыбаясь, говорит:

– А мы вас ждали. Нам сообщили, что вы приедете. – И повернулся к человеку с копной седеющих непослушных волос. – Знакомьтесь: это главный конструктор завода товарищ Гинзбург. Держите с ним тесный контакт. Желаю удачи.

Деловой и доброжелательный тон, разговор на равных с двадцатилетним красноармейцем, сделавшим всего лишь маленький шаг в конструировании, уважительное, товарищеское отношение – все это я почувствовал сразу, едва окунулся в атмосферу конструкторского бюро и цехов. Здесь я, пожалуй, впервые по-настоящему познал, что такое конструкторская доводка образца в профессиональном заводском КБ. Сколько терпения, коллективных усилий надо, чтобы запустить изделие в серию!.. Конструкторы, технологи, рабочие – каждый вносил частичку своих знаний и навыков в мое такое еще несовершенное творение. И как важно, чтобы сохранялась обратная связь, чтобы инженеры, рабочие чувствовали: конструктор искренне ценит их труд.

Необычное состояние я пережил в опытном цехе, когда началось изготовление отдельных деталей прибора. Тогда мне впервые довелось испытать странное чувство – собственническое, скажем так, чувство конструктора: мое! Для меня было удивительно и приятно видеть, что детали, над которыми я ломал голову, делают теперь другие люди, да еще с каким старанием, с каким качеством! Меня постоянно тянуло каждую деталь взять в руки, рассмотреть. Я был бы счастлив оставить ее себе – для того, чтобы, вернувшись в часть, показать ребятам. Мне буквально приходилось бороться с постоянным желанием заполнить все карманы «своими» деталями. Я и сейчас часто вспоминаю это, охватившее меня, чувство. Но теперь, рассказывая кому-нибудь об этом, шутя, добавляю: «Если бы это чувство во мне взяло верх, то сейчас меня невозможно было бы отыскать в куче «моих» деталей – они погребли бы меня под собой».

Мне нравилось наблюдать, как детали одна за другой поступали на сборку, пройдя тщательный контроль. При этом я вспоминал свой

первый образец, созданный в мастерской полка из отслуживших свой срок деталей, вручную, где каждый размер делался, можно сказать, на глазок. Я тогда был бесконечно благодарен военному инженеру Горностаеву, помогавшему мне выполнить чертежи, горячо поддерживавшему меня и вселившему веру в победу.

В то время, пока в опытном цехе изготавливали опытную партию счетчиков моточасов для проведения войсковых испытаний, я занялся другим танковым прибором – выключателем массы. Тщательно проанализировав существующие и разрабатываемые в Конструкторском бюро варианты этого прибора, я спроектировал свой образец, изготовил его и предложил на рассмотрение руководству завода. Было решено подвергнуть его заводским лабораторным испытаниям.

И вот, первый выключатель массы моей конструкции был испытан, и мне под роспись вручили официальный документ, подписанный главным конструктором Государственного Ордена Трудового Красного Знамени завода № 174 имени К. Е. Ворошилова. Цитирую его текст полностью:

«В период прикомандирования к заводу № 174 им. К. Е. Ворошилова красноармейца т. КАЛАШНИКОВА для реализации его предложения по «счетчику моточасов» им был предложен выключатель на массу, который и был в опытном образце изготовлен автором в мастерских завода. Проведенные лабораторные испытания выключателя массы – тов. КАЛАШНИКОВА показали возможность производить с помощью предложенного выключателя разрывы электро-цепи постоянного тока силою 1500 ампер при напряжении 22 вольта.

По сравнению с существующими выключателями ВМ-9 и ВМ-80-1с выключатель массы тов. КАЛАШНИКОВА проще по конструкции, надежнее по работе основной пружины, меньше по весу и габаритам.

Обнаруженный при испытаниях перегрев корпуса, температура которого при 5 минутном прохождении тока силою 600 ампер – достигала 95 градусов выше окружающей, объясняется малым сечением плюсового неподвижного контакта и нижней платы корпуса.

Заключение. Основываясь на простоте конструкции предложенного т. КАЛАШНИКОВЫМ выключателя массы и на положительных результатах лабораторных испытаний, завод в июле месяце с.г. отработает рабочие чертежи и изготовит образец выключателя массы для окончательных всесторонних испытаний его с целью внедрения на спецмашины.

Главный конструктор завода: <подпись> /Гинзбург/ Начальник КБ-9: <подпись> /Павлов/

Автор выключателя массы <подпись> /Калашников/»

К сожалению, всесторонние испытания не состоялись – в верхней строке над текстом стояла дата: 24 июня 1941 года – документ был подписан спустя два дня после нападения Германии на Советский Союз.

Началась Великая Отечественная война, и я должен был срочно возвращаться в свою воинскую часть.

Через несколько дней я распрощался с заводом, с рабочими и инженерами, ставшими для меня близкими за время напряженной совместной работы. На всю жизнь запомнил слова главного конструктора, обнявшего меня на прощание:

– Воюйте хорошо, молодой друг. И пусть вас никогда не покидает вера в силы тех, кто остался здесь. А приборы ваши мы доведем обязательно, только позже, после скорой победы над врагом.

В «скорую победу» мы тогда верили горячо и безоговорочно. Почти все были твердо убеждены, что воевать будем исключительно в согласии с советской военной доктриной: «малой кровью и на чужой территории».

Убежден был в этом и я, спешно покидая Ленинград...

Война

Шла первая неделя войны. Теоретически линия фронта проходила вдоль нашей западной границы, но на самом деле ее действительное положение невозможно было определить. Каждый день появлялись все новые и новые сообщения о стремительном продвижении войск противника вглубь нашей территории, о сдаче городов и сел, о больших потерях Красной Армии.

Направляясь в свою часть, дислоцированную на Западной Украине, я решил сначала ехать на юг, в сторону Харькова, и уже оттуда двигаться в западном направлении. В дороге меня не покидало беспокойство: по сводкам Информбюро город Стрый после ожесточенных боев был уже оставлен нашими войсками. Смогу ли я теперь разыскать своих товарищей?

Но произошел на пути моего следования, надо сказать, удивительный случай. Где-то на подъезде к Харькову наш поезд остановился на одной из станций. После проверки документов несколько человек, в том числе и я, вышли на платформу. Проводник нас предупредил, чтобы были внимательны и не отстали от поезда – тот может тронуться в путь в любую минуту.

Перед поездом на перроне собралось много военных. Шла посадка в вагоны. Все спешили поскорее занять места, говорили громко, нередко что-то кричали друг другу. И вдруг среди этого шума я услышал знакомый голос. Оглянувшись, увидел на соседнем пути грузовой состав, на открытых платформах которого сквозь брезент просматривались очертания танков. На одной из платформ стоял крепыш старшина сверхсрочной службы – наш командир танка, любивший слушать бой часов с луковицу величиной, доставшихся ему от деда – солдата Первой мировой войны. Я окликнул старшину и тут же бросился к платформе. Мы крепко обнялись. Ошеломленные столь неожиданной встречей, мы долго не могли прийти в себя и лишь хлопали друг друга по плечам.

Оказалось, что механики-водители нашей части незадолго до войны выехали на Урал для получения новой техники – тех самых танков Т-34, на которые мы с восторгом смотрели во время летних маневров в прошлом году. Поскольку в нашем экипаже на мое место механика-водителя никого не назначили, ожидая моего возвращения, то отправили

на завод командира танка. Война застала моих однополчан в дороге. На этой небольшой станции под Харьковом им предстояло влиться во вновь формируемую танковую часть.

Пока я обнимался с сослуживцами, мой поезд отошел от перрона. В вагоне остались шинель и чемодан...

Однако горевал я недолго. Документы – при мне. Рядом – товарищи. При формировании экипажей меня назначили командиром танка, приказом по части присвоили звание старшего сержанта. Так начался новый этап моей жизни – фронтовой.

Сейчас трудно припомнить каждый боевой эпизод. Начальный период войны, как известно, для советских войск складывался неблагоприятно, нередко трагично. Наш батальон воевал порой даже непонятно где: то ли в тылу врага, то ли на передовой... Разведку часто приходилось проводить собственными силами.

Помню, как однажды наш лейтенант приказал мне залезть на высокое дерево и попытаться рассмотреть вражеские позиции. Взобравшись на достаточную высоту я увидел, что немцы совсем близко. Так близко, что мне не удалось остаться для них незамеченным – меня сразу же начали обстреливать. Пули засвистели рядом со мной, срезая ветки дерева и осыпая листву. От неожиданности и испуга я так быстро заскользил по стволу, что в считанные секунды оказался на земле. Да, неприятно было ощутить себя живой мишенью!.. Ведь мы, танкисты, чувствовали себя гораздо уверенней и безопасней в танке, хотя и видели часто, как те горят, превращаясь в бесформенную грудку металла... Но все-таки танк был маневрен, у него пушка и снаряды к ней, а его экипаж защищен броней от пуль немецких автоматчиков. Наши же пехотинцы зачастую были вооружены только старыми трехлинейными винтовками Мосина или огнеметами, из которых можно было выстрелить всего два-три раза. Практически, они были безоружны перед хорошо обученной и вооруженной фашистской армией. Потому нас, танкистов, и бросали преимущественно туда, где туго приходилось пехоте: бесконечные марши, удары во фланг, короткие, но ожесточенные атаки, выходы к своим.

Многое в те тяжелые дни зависело от умения, выдержки, тактической сметки командиров. Подавая личный пример мужества в атаке, стойкости в обороне, они спланивали нас на решительные действия.

Помню, как в сентябре 1941 года шли бои на дальних подступах к Брянску и будто вновь слышу голос командира роты:

– Калашников, остаешься за командира взвода. Будем прикрывать правый фланг стрелкового полка. Внимательно следи за моей машиной...

Рота вышла на опушку леса. Земля исполосована рубцами гусениц. Эти следы оставили мы, танкисты, утром, участвуя в контратаке. Бой тогда был коротким. Командир умело маневрировал огнем и машинами. Благодаря этому нам удалось быстро отсечь немецкую пехоту от танков, поджечь несколько машин.

И вот фашисты днем снова предприняли атаку на господствующую высоту: восемь танков неторопливо двигались на позиции нашей пехоты. Находясь в танковой засаде, мы выжидали, стараясь не обнаружить себя. Чужие бронированные машины накатывались волной. Казалось, еще немного – и они достигнут вершины высоты. Мой механик-водитель не выдержал, по внутренней связи выдохнул:

– Что мы стоим, командир? Сомнут же нашу пехоту...

И тут поступила команда: зайти фашистским танкам в тыл. Стремительный рывок из засады, залповый огонь из пушек – и несколько немецких машин загорелось. Вражеская пехота, не успев отойти, полегла под пулеметным огнем. Мы убедились, насколько расчетливо поступил командир роты, не рванувшись в бой раньше времени.

Я старался не упустить из виду танк командира роты. А он неожиданно круто развернулся назад. Сделал это командир решительно, быстро, уверенно. Очевидно, заметил, что немцы бросили в бой еще одну группу танков, пытаясь ударить нам во фланг и тыл.

Снаряды уже ложились рядом с нашими машинами, когда мы повторили тактический прием командира роты: вслед за ним мы на скорости скатились назад и скрылись в ложбине за высотой. Командир роты не только увел нас из-под огня противника, но и сумел вывести наши машины во фланг вражеским танкам. Получилась своеобразная карусель, в которой максимальные потери несли фашисты: их танки, то и дело вспыхивая чадными кострами, выходили из боя один за другим.

Но так было не всегда. Случались и страшные поражения, и горькие потери. Мы теряли товарищей, экипажи пополнялись новыми людьми.

В один из сентябрьских дней мы получили приказ занять исходный рубеж в густой роще, хорошенько замаскироваться и быть в готовности к контратаке. Когда все работы по маскировке закончили, я решил проверить, как приготовлен к бою пулемет ДТ (Дегтярева танковый). Не обратив внимания, что подвижные части пулемета находились на боевом взводе, вытащил соединительный винт, и... тут началась самопроизвольная стрельба. Она могла бы дорого обойтись экипажу, если бы нас не прикрыли своим огнем от появившихся немцев соседи.

Участвовать в военных действиях мне довелось недолго. В начале октября 1941 года под Брянском я был тяжело ранен. Случилось это в одной из многочисленных контратак, когда наша рота, заходя во фланг немцам, нарвалась на артиллерийскую батарею. Первым загорелся танк командира роты. Затем раздался удар по нашей машине, и после этого вдруг наступила полная тишина. Возможно, мы были просто оглушены, но в тот момент нам показалось, что бой стих. Как командир танка, я решил открыть люк и посмотреть, что происходит вокруг. Я только поднялся из люка, как рядом разорвался снаряд. На мгновение в глазах вспыхнул необычайно яркий свет...

Сколько я находился без сознания, не знаю. Наверное, довольно продолжительное время, потому что очнулся, когда рота уже вышла

из боя. Кто-то пытался расстегнуть на мне комбинезон. Левое плечо, рука казались чужими. Как сквозь сон услышал:

– Чудом уцелел парень. В рубашке родился!

Ну, думаю, слава богу, жив!

Я лежал в блиндаже. Мое левое плечо было насквозь прошито осколком брони, отлетевшим внутри танка после прямого попадания в него. Спина казалась чужой, хотя болела так нестерпимо, как может болеть только своя. Левая рука не двигалась. Я плохо понимал, что со мной произошло и что творится вокруг – похоже, я был контужен...

Командир батальона дал команду отправить меня вместе с другими тяжелоранеными в медсанбат. Но где он, этот медсанбат, если мы сами уже оказались, по сути дела, в тылу немцев? Я пытался отказаться от отправки – не вышло.

Раненных, человек двенадцать, перенесли в грузовую машину – «полуторку». С нами были военврач и медсестра. Мне запомнилось лишь имя водителя – Коля. Видимо, потому, что он был единственной нашей надеждой во время пути. Ведь большинство из нас вообще не могли самостоятельно передвигаться.

К вечеру мы подъехали к какой-то деревне, и военврач распорядился остановить полуторку. Решил проверить, нет ли в селении немцев. В разведку послал водителя Колю, лейтенанта с обожженными руками и меня – тех, кто мог ходить. Вооружения на всех – пистолет да винтовка.

Поначалу все было спокойно. Деревня словно вымерла. Хотя потемневшие избы выглядели как-то неуютно. В каждой из них нам чудилась опасность. И действительно, неожиданно вдоль улицы в нашу сторону полоснула автоматная очередь. Мы прижались к земле и стали отползать назад к лесу, огородами, через картофельное поле.

Мы думали только об одном: надо успеть предупредить товарищей. Но вдруг с той стороны, где осталась машина, мы услышали выстрелы очередями. Наш лейтенант скрипнул зубами:

– Из «шмайсеров» лупят, сволочи! А нам хоть бы парочку автоматов...

Я зажал свой ТТ между коленями, передернув затвор, убедился, что патрон в патроннике. Пригибаясь, мы побежали через кустарники к месту боя.

Не знаю, чем бы все закончилось, поспей мы туда на две-три минуты раньше. Но немцы на мотоциклах с колясками уже пропали из виду за поворотом дороги...

Страшная нам открылась картина!.. Какой там бой... Тех раненых, кто мог слезть с машины, немцы расстреляли внизу, остальных изрешетили в кузове. Несколько человек, с которыми мы только что плечом к плечу сидели в полуторке, бились теперь под ней в конвульсиях. Сквозь хрип и шуршание в тягостной тишине было слышно, как из щели под деревянным бортом одна за другой туго шлепают капли: чаще, чаще... И вдруг о дорожный гравий ударила алая струйка крови.

Мы плакали от бессилия, сжимая в руках оружие. Нам хотелось ринуться вслед за врагом и стрелять, стрелять в него...

Но что мы могли сделать против немецких автоматов и пулеметов?..

Первым пришел в себя лейтенант:

– Надо пробиваться через линию фронта к своим!

Посоветовавшись, решили передвигаться только ночью.

Шли тяжело и медленно. От разрывающей меня боли в плече я иногда впадал в забытие и приходил в себя, когда подбородок касался жесткого рукава гимнастерки Николая... Тащил ли он меня или успевал подхватывать, когда я собирался упасть?

Не лучше были дела и у лейтенанта...

Во время одной из дней Коля увидел пожилого крестьянина, шедшего кромкой леса. В руке у него была небольшая сумка. Оказалось, житель ближнего села. Ходил в поле, чтобы деревянной колотушкой намолотить немножко ржи для своей голодной семьи. Все, какие были, продукты немцы у них отняли. Убирать урожай немцы запретили под страхом смерти: теперь он принадлежит «великой Германии». Так и уйдут под зиму неубранные поля!..

Стыдно было жевать то зерно, которое он помаленьку отсыпал каждому из нас в ладонь...

Мы спросили крестьянина, нет ли поблизости фельдшера – наши раны начали гноиться, бинты засохли и почернели от крови и грязи. Этот добрый человек взялся помочь: вывел нас на лесную дорогу, густо заросшую травой и объяснил, как добраться по ней до села и там отыскать дом фельдшера:

– Тут километров пятнадцать будет... очень душевный лекарь! Но сейчас светло, и вам не стоит рисковать. Дождитесь ночи – и, как только стемнеет, выходите на дорогу. Идите по ней на юг.

Поблагодарив крестьянина, мы стали ждать темноты. В томительном ожидании нам казалось, что солнце не собирается уходить. Вынужденный привал не приносил отдыха, хотя мы и пытались поспать, предвидя трудную ночь. Тревожно было на сердце...

С наступлением сумерек мы вышли на дорогу и осторожно, прислушиваясь к каждому шороху, двинулись в путь. Петляющая лесная дорога с бесконечными ухабами и неизвестностью за каждым поворотом вела нас к селу, где мы рассчитывали получить помощь. Шли всю ночь. Тем не менее, до рассвета нам не удалось войти в село. Надо было снова дожидаться темноты.

Зная, где находится дом «душевного лекаря», мы постарались укрыться поблизости от него, чтобы можно было вести наблюдение и по очереди отдыхать. Ко второй половине дня поняли, что в селе воинских частей нет, а местные жители будто покинули свои дома: огороды пусты, никакого движения или шума. Мы решили послать Николая на разведку, посоветовав ему пробираться к дому лекаря огородами. Сами приготовили оружие, чтобы в случае опасности прикрыть его отступление.

Николай благополучно добежал до дома и скрылся в нем. Для нас наступили самые тягостные минуты – минуты ожидания товарища, который был нами же послан в неизвестность. Вернется ли?..

Наконец, откуда-то сбоку раздался короткий свист – наш условный сигнал. Мы ответили на него. И через пару минут уже развязывали принесенный Николаем узелок с едой. Сам же он, рассказывая нам о своем походе, все время повторял со слезами на глазах: «Ребята, вот это человек! Вот человек! Настоящий, наш, русский мужик!»

Когда сверток был раскрыт, нашему удивлению не было конца. На пожелтевшей газете, как на скатерти-самобранке, – половина каравая хлеба домашней выпечки, три вареные картофелины, два яблока и маленький пакетик соли! Поскольку самого Николая уговорили поест в доме, все принесенное предназначалось для нас двоих. А пока мы ели, он рассказывал нам о лекаре.

Звать его Николай Иванович. У него три сына воюют на фронте. Немцы уже несколько раз к нему наведывались и вызывали в комендатуру в соседнее село. Поэтому он просит нас быть поосторожней. Но появиться в его доме мы должны непременно: без врачебной помощи нам не обойтись!

Когда наступил вечер, мы пробрались к дому Николая Ивановича. Он уже ждал нашего появления, предусмотрительно занавесив окна одеялами и приготовив весь имеющийся медицинский инструмент и материал...

Осторожно, стараясь не причинить нам боли, он освободил раны от намотанных тряпок и окровавленных бинтов, тщательно обработал их и наложил повязки. После оказания помощи он произнес мягко, но настоятельно:

– Ребята, нельзя вам сейчас уходить! Раны не смертельные, но весьма опасные, и желательно вам выдержать постельный режим. Хотя бы дня два, три... Я спрячу вас на сеновале. Не могу я вас отпустить в таком состоянии!

И, не дождавшись нашего ответа, со словами: «Вот и хорошо, вот и договорились! Прошу в палату!» – он повел нас на сеновал.

Почувствовав такой родной и такой любимый запах сухой травы, я чуть не потерял сознание. Николай Иванович пожелал нам спокойной ночи и, как бы извиняясь за то, что не оставил нас в доме, добавил:

– Мои орлы любили спать на сеновале...

Я лежал, зарывшись в душистое сено, и вспоминал свое, уже такое далекое, детство. Тоска по дому, по родным навеяла грустные мысли: что будет со мной, выживу ли я в этой страшной бойне?.. Как там мама? Скорее всего, все мои братья воюют, мама осталась одна. Жаль, сестры мои живут далеко от нее... С этими мыслями я погрузился в сон.

Ранним утром, пока все село спало, наш доктор разбудил нас. Он принес на сеновал еды на весь день, обжигаяще холодную воду в двух ведрах да кучу старых книг и журналов, по большей части медицинских. Осмотрел наши раны и перевязал их. Уходя, он сказал, что не придет до темноты, чтобы не вызвать подозрений, а с наступлением ночи тщательно осмотрит нас в доме.

– А книжечки почитайте! – посоветовал. – Поверьте, они вам еще пригодятся.

Днем мы знакомились с проблемами медицины, читая принесенную литературу, и с тревогой обсуждали сложившуюся ситуацию и свой предстоящий путь выхода из окружения.

Ночью Николай Иванович рассказал нам об обстановке в селе и о том, что удалось узнать о последних боях наших войск. Сведения эти были очень неутешительными.

На сеновале нам пришлось провести двое суток. На третью ночь Николай Иванович разрешил уйти. Он дал нам с собой на пару дней продуктов, запас бинтов и йода, вывел огородами за село и показал направление, в котором предполагалось самое близкое расположение фронта. Мы обнялись с ним и, поблагодарив за помощь и доброту, расстались. К большому сожалению, мы тогда даже не узнали фамилии нашего спасителя...

Наш путь из окружения проходил по бездорожным глухим местам и с каждым днем становился все труднее и труднее. Шли мы, как и прежде, по ночам, пытаясь в светлое время отдыхать. Старались питаться как можно реже и меньше, экономя продукты. Тем не менее, они уже через три дня подошли к концу. Голод заставлял нас искать что-либо съедобное в лесу. Мы ели ягоды – рябину, калину, жевали сухую траву, грибы... Мучила сильнейшая жажда: воду отыскать можно было лишь в застойных местах, а от этой тухлой болотной воды болели животы, нас мутило.

Положение осложнялось еще и тем, что все это время вокруг было подозрительно тихо. Как будто шли мы не к фронту, а от него... От неуверенности настроение становилось все мрачней. Мы уже не пытались определять точное направление пути, а только одержимо шли и шли на восток.

Лишь на седьмые сутки нам посчастливилось выйти к расположениям частей Красной Армии. Произошло это около города Трубчевска. Смертельно уставшие, голодные, ободранные, с грязными повязками на ранах, но бесконечно счастливые, мы все-таки вышли из окружения!..

После недолгой соответствующей проверки нас разлучили: раненых – меня и лейтенанта – отправили в госпиталь, а Николая сразу же зачислили водителем в одну из действующих частей.

Расставались мы со слезами на глазах. Пережитое нами за эти несколько дней по-настоящему сблизило нас.

Я не знаю, как сложилась судьба этих двух моих товарищей, очень сильных духом людей. Может быть, они погибли в боях за Родину, а может, дошли до Берлина и стали свидетелями полного разгрома фашистской Германии и нашей долгожданной Победы...

Госпиталь

Эту главу мне хочется начать с письма ветерана Отечественной войны. Когда меня «рассекретили», подобные весточки стали приходить ко мне одна за другой.

«Здравствуйте, Михаил Тимофеевич!

Пишет Вам ветеран войны и труда. Увидел передачу по телевидению с Вашим участием и вспомнил военное лихолетье, декабрь сорок первого года. Калининский фронт. В районе Торжка я был ранен и лечился в эвакогоспитале № 1766 в городе Вичуге Ивановской области. Вместе со мной в палате в левом переднем углу лежал тяжелораненый солдат. Палата была рядового и сержантского состава, койки наши были рядом. И вот этот еле живой солдат все время чертил чертежи и говорил, что изобретет автомат для нашей армии. Над ним все смеялись, но я почему-то верил ему. В течение полутора месяцев я видел его чертежи, слушал объяснения о принципах работы. Он даже когда бредил, то об этом своем автомате, какой он будет. Выписали меня раньше. Имя этого солдата не помню. Запомнил старшую дежурную сестру Кученко.

Наша палата была на втором этаже. Вы это были или кто другой?.. Не важно. Ценно то, что автомат Ваш был изобретен и служит исправно в интересах Родины.

Вот и все. Хотелось бы узнать, Вы это были или кто-то другой?

Если Вы, это очень приятно. Спасибо Вам за автомат!

Счастья Вам, здоровья и всего самого наилучшего.

С уважением, ветеран войны и труда

Плюснин Валентин Александрович».

К сожалению, не знаю, жив ли нынче Валентин Александрович – время становится к фронтовикам все беспощадней.

А тогда я ответил этому уважаемому человеку:

«...Прошу извинить за несвоевременный ответ на Ваше дружеское письмо, в котором Вы подробно описали свой ратный путь во время Великой Отечественной войны. Да, нелегко досталась нам Победа, жаль, что участников тех тяжелых лет становится все меньше и меньше.

Валентин Александрович! Вы говорите о солдате, который обещал сделать автомат: что ж, это свойственно нашему народу. Ведь каждый советский человек на фронте и в тылу горел желанием все сделать для быстрейшего разгрома ненавистного врага. В то время, о котором Вы пишете, я находился в эвакогоспитале № 1133 в городе Елец. Но важно прежде всего то, что автомат все-таки сделан нашим русским солдатом.

Желаю Вам счастья, здоровья и многих лет жизни.

М. Калашников. 12.12.87 г.».

...Не думал я, что мое ранение, контузия выведут меня из строя на продолжительное время. В госпитале пожилой врач, осмотрев меня, покачал головой и спросил:

– Как же вас угораздило так запустить рану? – Потом вдруг изменил тон: – Окруженец?

– Примерно так.

– Придется у нас задержаться для лечения.

В госпитале я как бы заново переживал все, что произошло со мной за месяцы участия в боях – день за днем. Ночью, во сне, мне чудились автоматные очереди и снились расстрелянные в полуторке раненные товарищи. Задыхаясь, я снова и снова мчался к ним через лес, подбегал к изрешеченной пулями машине. Среди лежащих в ней погибших бойцов вдруг узнавал себя и в ужасе просыпался...

Ночная палатная тишина нарушалась лишь стонами тяжелораненых да вскриками тех, кому тоже снились ночные кошмары. Я лежал с открытыми глазами и думал: нам говорили, будем воевать «малой кровью», самым современным оружием!.. И вот, пожалуйста, кого ни спроси – все говорят одно и то же: одна винтовка на двоих, да на троих!.. Как же так?..

Много лет спустя, прочитав книгу Владимира Григорьевича Федорова «В поисках оружия», я с грустью осознал, что это – не только беда России... Может, это – ее проклятье? Вступать в войну, держа в руках единственное: свою шапку? Нас много – любого закидаем?!

Так было в Отечественную войну 1812 года, так – в Крымскую, в японскую, в первую мировую... Когда же мы, наконец, хоть чему-то научимся? Да и сегодня, глядя на наше беспорядочное, как в лихорадке, разоружение, с горькой иронией иногда подумаешь: как перед началом войны. Парадокс? Или тревожный знак?

Тогда же, лежа на госпитальной койке, я думал лишь об одном: почему у нас в армии нет автоматического оружия, легкого, скорострельного, безотказного?

К сожалению, очень не скоро мне удалось получить на это ответ!.. В 1963 году в серии «Военные мемуары» вышла книга Главного маршала артиллерии Николая Николаевича Воронова «На службе военной» – я храню эту книгу с дорогой для меня дарственной надписью и автографом. В 1941 году, в самые тяжелые дни войны, Воронов был назначен начальником артиллерии Красной Армии и занимался также стрелковым оружием. Состояние дел тогда было таковым, что распределением пистолетов-пулеметов и противотанковых ружей занимался сам Сталин. Лично!

«Приближался новый, 1942 год. Вечером 31 декабря, когда я занимался многими неотложными делами, – пишет Николай Николаевич, – вдруг позвонили из Ставки. Сказали, что два лыжных батальона должны срочно отправиться на фронт, но у них нет ни одного автомата, их надо вооружить в срочном порядке. Я попросил дать мне разобраться с нашими возможностями. Выяснилось, что в нашем распоряжении в этот момент имелось всего 250 автоматов – таковы были у нас тогда резервы стрелкового вооружения! Я доложил Ставке наши «автоматные возможности». В ответ получил распоряжение:

– Срочно выдайте лыжным батальонам сто шестьдесят автоматов, а девяносто имейте в своем резерве.

Так мы встретили 1942 год. Хоть и скромны были тогда наши возможности, но мы глубоко верили, что и на нашей улице настанет праздник!»

Вся страна в это верила, несмотря ни на что!.. Иначе не было смысла в отчаянном сопротивлении фашистам. Слишком велики были наши потери, чтобы сомневаться в будущей неминуемой Победе! И для этого, конечно, надо дать солдату надежное автоматическое оружие! Но каким оно должно быть? Как его сделать?..

Хотя нам, танкистам, не полагалось иметь на вооружении личного состава ППД (7,62-мм пистолет-пулемет системы Дегтярева), держать его в руках, разбирать и собирать мне доводилось. Знал я и о том, что пистолет-пулемет системы Дегтярева широко и успешно применялся еще в 1939 году во время советско-финляндской войны. По эффективности огня в ближнем бою его трудно было сравнить с каким-либо иным оружием. Он удачно сочетал в себе легкость и портативность с непрерывностью пулеметного огня, что и определило его наименование.

Знаменитый русский и советский оружейник В. Г. Федоров был не только блестящим практиком, но и талантливым ученым. В своей книге «Эволюция стрелкового оружия» в 1939 году он писал: «Пистолеты-пулеметы являются оружием сравнительно молодым, выдвинутым опытом мировой войны, причем еще до настоящего времени не везде усвоена мысль о той громадной будущности, какую со временем будет иметь это чрезвычайно мощное, сравнительно легкое и в то же время простое по своей конструкции оружие при условии его некоторых усовершенствований... В пистолетах-пулеметах блестяще разрешена задача дать пулеметный огонь при боевых столкновениях на близких расстояниях, когда в более сильных винтовочных патронах нет никакой необходимости...»

Генерал Федоров должен был обладать большой смелостью, чтобы в то время опубликовать эти строки. Ведь среди его противников находился такой влиятельный в те годы человек, как заместитель наркома обороны Г. И. Кулик, до войны возглавлявший Главное артиллерийское управление, ведавшее вопросами разработки современного вооружения и оснащения им Красной Армии.

Мне, раненому сержанту, конечно же, неведома была та борьба, которая шла на верхних «этажах» нашего военного руководства за признание пистолета-пулемета, за его будущее. Не знал я и того, что в феврале 1939 года пистолет-пулемет системы Дегтярева вообще был снят с производства и вооружения, изъят из войск и сдан на хранение на склады. Уже позже из книги выдающегося авиаконструктора А. С. Яковлева «Цель жизни» я узнал, насколько остро ставился вопрос о судьбе пистолета-пулемета, какую инертность, а то и просто негативное отношение к нему проявляли некоторые руководящие работники Наркомата обороны.

Когда сняли с вооружения пистолет-пулемет Дегтярева, Красная Армия не только осталась без этого важного вида оружия, но и лишилась возможности изучения его тактических характеристик, свойств, особенностей применения в бою. И все-таки, несмотря ни на что, конструкторы В. Г. Федоров, В. А. Дегтярев, Г. С. Шпагин продолжали бороться за то, чтобы пистолеты-пулеметы заняли достойное место в системе вооружения войск. Внимательно следя за развитием иностранной техники, они хорошо знали, что на вооружение иностранных армий, особенно Германии, все больше поступает пистолетов-пулеметов, совершенного автоматического оружия. Отставать нам было нельзя. Конструкторы последовательно и принципиально отстаивали свои убеждения. В частности, В. А. Дегтярев обратился в Наркоматы вооружения и обороны, настаивая на возобновлении изготовления ППД и наращивании мощностей его производства.

Окончательно решила судьбу пистолета-пулемета начавшаяся 30 ноября 1939 года советско-финляндская война. Оказалось, что в условиях лесистой и пересеченной местности пистолет-пулемет – достаточно мощное и эффективное огневое средство ближнего боя. К тому же противник, используя находившийся у него на вооружении пистолет-пулемет «суоми», наносил ощутимый урон нашим подразделениям в ближнем бою, особенно при действиях на лыжах.

В конце 1939 года по указанию Главного военного совета началось развертывание массового производства ППД, а 6 января 1940 года Комитет Обороны принял постановление о принятии его на вооружение РККА. Дегтярев вносит в свою систему ряд различных конструктивных доработок, чтобы максимально сократить время, необходимое для изготовления ППД в заводских условиях. Он стал технологичнее в изготовлении, проще, легче. Увеличилась и скорострельность ППД за счет создания магазина большей емкости.

Опыт применения ППД в боях на Карельском перешейке дал положительный результат. Сразу несколько конструкторов приступили тогда к созданию своих образцов, среди них Георгий Семенович Шпагин, талантливый ученик и соратник В. Г. Федорова и В. А. Дегтярева. «С самого начала, – вспоминал он позже, – я поставил перед собой цель, чтобы новое автоматическое оружие было предельно простым и несложным в производстве. Если по-настоящему вооружить огромную Красную Армию автоматами, подумал я, и попытаться это сделать на базе принятой раньше сложной и трудоемкой технологии, то какой же невероятный парк станков надо загрузить, какую огромную массу людей надо поставить к этим станкам. Так я пришел к мысли о штамповочной конструкции. Надо сказать правду, даже знатоки оружейного производства не верили в возможность создания штамповочного автомата... Но я был убежден, что мысль моя правильная».

Уже в послевоенное время Георгий Семенович Шпагин рассказал мне, как ему пришлось торопиться с созданием ППШ в остром, бескомпромиссном соревновании с другими конструкторами, в частности

с Б. Г. Шпитальным. И вот через полгода после начала работы конструктора пистолет-пулемет был подвергнут заводским испытаниям, а еще через два месяца – полигонным. 21 декабря 1940 года появилось постановление Комитета Обороны о принятии на вооружение Красной Армии пистолета-пулемета Шпагина (ППШ). До начала войны оставалось всего полгода.

Вот почему в первых боях с немцами войска Красной Армии испытывали острый недостаток в пистолетах-пулеметах.

Мне, рядовому бойцу, как и многим другим солдатам Великой Отечественной, конечно же, все это было неизвестно. Я тогда думал, что у нас, кроме В. А. Дегтярева, просто не нашлось конструктора, который сделал бы пистолет-пулемет легким по весу, небольшим по габаритам, надежным, безотказным в работе.

В госпитале, проснувшись от ночных кошмаров, я пытался мысленно представить себе, какой бы я сам сделал пистолет-пулемет? Утром, вытащив из тумбочки тетрадку, наспех делал наброски, чертежи. Потом неоднократно все переделывал...

Загоревшись идеей создания автоматического оружия, я с горечью осознал, что мне для этого не хватает знаний. Если при работе над счетчиком моторесурса мне было достаточно моего школьного образования, природной интуиции и опыта, приобретенного за время службы в армии механиком-водителем, то для создания пистолета-пулемета этого явно не хватает. Тут уже нужны специальные знания. Но где и как их получить, если прикован к госпитальной койке, если ноющая, тяжелая боль наполняет плечо и все тело и не дает ни читать, ни писать?..

Мне несказанно повезло – в нашем госпитале была неплохая библиотека, в которой я и нашел несколько нужных книг. Среди них – два тома «Эволюции стрелкового оружия» В. Г. Федорова, изданных Артиллерийской академией, наставления по трехлинейной винтовке, ручному пулемету Дегтярева, револьверу Нагана. Читал, сопоставлял, анализировал, чертил.

В госпитальной палате, где лежали и танкисты, и пехотинцы, и артиллеристы, и саперы, нередко вспыхивали споры о преимуществах и недостатках, сильных и слабых сторонах того или иного вида оружия. Участвовал в этих спорах я мало, но определенное впечатление от них осталось. С особенным интересом я слушал тех, кто сам ходил с пистолетом-пулеметом в атаку, сдерживал яростный натиск врага на свой окоп. Они убедительнее всего могли рассказать, каково оно, это автоматическое оружие, в действии, в ближнем бою. В моей заветной тетрадке после таких споров появлялись новые наброски. Размышляя о взаимодействии частей оружия, вновь обращался к книгам, наставлениям. Составил для себя сводную таблицу различных образцов автоматического оружия, проследил историю их появления и создания, сравнил тактико-технические характеристики.

Во многом мне помог разобраться лежащий в нашей палате лейтенант-десантник, до войны работавший в каком-то научно-исследовательском институте. Обычно молчаливый, он редко вступал в споры, но, тем не менее, внимательно слушал горячие, порой запальчивые слова раненых. Включался в разговор лишь тогда, когда слишком разгорались страсти.

Впоследствии я очень часто вспоминал того лейтенанта. Он как будто и в самом деле с неба свалился, этот десантник: рядом вдруг оказался человек, который мог и посоветовать, и разрешить многие мои сомнения...

Неоднократно мне приходилось слышать о моем почти фантастическом везении. И это действительно правда – часто случалось так, что стоило появиться какой-нибудь трудной загадке, как жизнь тут же начинала подсказывать способы ее постижения. К примеру: насколько труднее была бы моя задача, не окажись в библиотеке госпиталя двухтомника Федорова? Кстати, замечал не однажды: напряженная работа ума и особое состояние души словно мощным магнитом притягивают нужную тебе информацию. Не знаю, моя ли это особенность или общий для всех закон?..

Вернемся, однако, в палату госпиталя, где вспыхнул очередной спор. Чем хуже шли дела на фронте, тем яростней становились эти споры.

– Хар-роший пистолет-пулемет – вот что надо пехоте! – с застарелой болью опять начал разведчик с соседней койки. – Каждому! Только тогда почувствуем себя силой.

– Тоже мне сила, этот твой пистолет-пулемет. Возьми прицельную дальность стрельбы. Разве с винтовкой может сравниться? Мосинская-то, например, до двух тысяч берет, а самозарядка токаревская – до полутора. Ну а ППД? До пятисот метров едва дотягивает, – горячился сапер, лежавший у окна.

– Эх ты, мотыль саперный, – досадливо произнес разведчик. – Знал бы ты, как нас в финскую из своих «суоми» финны в ближнем бою косили. Затаятся в лесу, засядут на деревьях, подпустят поближе – и очередями. Что тут сделаешь со своей винтовкой? Один-два выстрела. А тебя в это время автоматическим огнем и накروют.

– Так разворотливей надо быть, – не отступал от своего сапер.

– Я хотел бы посмотреть, как ты развернешься между деревьями или в окопе с оружием, которое вместе со штыком более полутора метров длины имеет. Тебя уже к этому моменту несколько раз очередью прошьют. Какое облегчение настало, когда в нашей части стали заменять винтовки на дегтяревские ППД! Начали с нас, разведчиков. Вот уж тут-то мы финнам и показали кузькину мать. Против ихнего «суоми» наше оружие куда как лучше по всем статьям.

– А небольшая прицельная дальность и плохая кучность боя – ты об этом-то забыл опять, – не унимался сапер. Видимо, у него это в крови сидело – противоречить, свое доказывать, наперекор суждению другого идти.

– А вы знаете, что значит в переводе с латинского слово «автомат»? – негромко проговорил лейтенант. Все замолчали, ожидая продолжения фразы. –

Сам действует. Нажал – и работает, пока не остановишь. Так вот, основное достоинство пистолета-пулемета в том, что он действует в автоматическом режиме, у него высокий темп стрельбы, он легок и удобен в обращении. Думаю, что за таким скорострельным автоматическим оружием – будущее.

– И что, действительно наше оружие лучше, чем у немцев? Как же тут сравнить, если в частях в большинстве своем винтовки? – спросил артиллерист, до того не принимавший участия в разговоре.

– Сравнить можно только в бою. Но можете поверить на слово, наши ППД и пистолет-пулемет системы Шпагина (ППШ) солидно превосходят автоматическое оружие немцев. Перед тем как меня ранило, я сменил ППД на ППШ. Хорошо знаю достоинства и того и другого. Прав разведчик – чем больше у нас будет в войсках автоматического оружия, тем меньше мы сами станем нести потерь.

Лейтенант протянул руку к моей кровати, взял с одеяла листочек бумаги, на котором я делал очередной набросок, карандаш и стал что-то быстро писать.

– Сравнить хочу. Мне ведь довелось держать в руках и финский пистолет-пулемет «суоми» М-31, и немецкий МП-38, почему-то называемый у нас «шмайсером». К вашему сведению, конструктор Шмайсер к этому образцу отношения не имеет. МП-38, как и его собрат МП-40, создан фирмой «Эрма» и первоначально предназначался для парашютистов.

Чувствовалось, что десантник хорошо знал системы стрелкового оружия, был достаточно осведомлен в истории их создания. Все в палате с интересом слушали лейтенанта.

– Так вот, дегтяревский пистолет-пулемет, как и шпагинский, значительно легче, почти на сто миллиметров короче, чем «суоми». А это немаловажно, как понимаете. Гораздо выше у наших пистолетов-пулеметов и боевые свойства. Из МП-38, например, огонь можно вести только непрерывный, а у наших образцов есть переводчик на одиночную стрельбу. Посмотрите, я тут маленькую сравнительную табличку набросал на бумаге для наглядности.

Листочек пошел по рукам. Особенно внимательно разглядывал колонки цифр сапер, то и дело покачивая головой, словно не веря своим глазам. Его, видимо, заинтриговали слова, аргументы лейтенанта-десантника, и он недоверчиво поинтересовался:

– Так, значит, мы еще до войны были впереди наших противников в создании автоматов разных? Тогда возникает вопрос: почему их так мало в наших частях оказалось, может, вредительство какое тому причиной?

– Впереди иностранных конструкторов мы были – это точно. А что касается вопроса: почему мало автоматического оружия в войсках,

однозначно тут не ответишь. Мое мнение, например, такое: в царское время не очень верили в творческий потенциал русских конструкторов, в будущее этого оружия, иностранные образцы считались лучшими. В наше время, считаю, недооценили работу таких конструкторов, как Федоров, Дегтярев, Симонов, их поиск в создании систем автоматического оружия.

Слушая лейтенанта, мы, кажется, забывали о своих ранениях. Его суждения, выводы были для нас своеобразным откровением. Мы все больше убеждались: он действительно знал много интересных и неожиданных вещей, этот спокойный, мужественный десантник, которому в бою крепко покалечило бедро. Никто не слышал от него ни стоны, ни жалобы на боль. А страдал он не меньше каждого из нас. В нашей палате все были с тяжелыми ранениями.

– Вы, наверное, знаете и о кузнеце Рощепее? – робко спросил я.

Листая взятые в библиотеке книги, я встретил упоминание об этом человеке, и сейчас мне хотелось подробнее узнать, как сложилась судьба талантливого самородка-изобретателя.

– Рядовой русской армии, полковой кузнец оружейно-ремонтной мастерской Рощепей – явление среди оружейников, скажу вам, удивительное, – начал свой рассказ десантник. – Будучи солдатом, в начале двадцатого века он сконструировал первую из своих автоматических винтовок. При этом кузнец сказал в конструировании свое слово – особенностью образца стал принцип неподвижного ствола и свободного затвора, открывающегося с замедлением...

– И что же потом стало с этой винтовкой? – воспользовался паузой сапер.

– Печальна ее судьба, к сожалению. Высшие военные круги отнеслись с недоверием к этому оружию, не поддержали изобретателя и расценили его поиск как ненужную затею. Больше того, неверие в талант солдата-конструктора, неприятие автоматического оружия обернулись тем, что конструкторскими находками Рощепея воспользовались в других странах. Принцип свободного затвора стал предметом подражания, нашел свое применение в пулемете Шварцлозе в Австрии и в автоматической винтовке американца Педерсена, спроектированных под более мощные патроны.

Так беседа об оружии переросла в увлекательный рассказ об его истории. Лейтенант посвящал нас во все новые и новые, неизвестные нам, факты. Узнали мы и о работе В. Г. Федорова над автоматической винтовкой под штатный патрон калибра 7,62 мм. Примечательна она была тем, что результаты проведенных испытаний поставили эту винтовку на первое место среди всех испытывавшихся ранее систем, в том числе и иностранных, а автор образца был удостоен Большой Михайловской премии и избран членом Артиллерийского комитета. Оказалось, что еще перед первой мировой войной В. Г. Федоров начал работу над созданием принципиально нового

промежуточного оружия – между винтовкой и пулеметом, дав ему название «автомат».

Правда, как и винтовка Рощедея, это оружие не нашло у военных поддержки. В 1916 году им была вооружена всего лишь одна рота...

– А кто же создал первый советский пистолет-пулемет? – возвратил нас к началу разговора артиллерист.

– Автором его стал наш оружейник Федор Васильевич Токарев. В конце двадцатых годов он изготовил опытный образец. А начинал Токарев свою трудовую биографию учеником в учебно-слесарной мастерской.

– Так ведь и Дегтярев из рабочих, одиннадцати лет работать пошел на Тульский оружейный завод, – подал голос сапер. – Помню, перед войной читал его биографию, опубликованную в газете, когда Дегтярев стал Героем Социалистического Труда и получил медаль «Серп и Молот» под номером два.

– И не только Токарев и Дегтярев прошли полный курс рабочих университетов. – Лейтенант, взявшись руками за спинку кровати, подтянул себя повыше, стараясь выбрать более удобное положение, чтобы дать отдохнуть уставшему от долгого лежания телу. – А возьмите Симонова. Был и учеником кузнеца, и слесарем, и мастером. Такой же путь прошел Шпагин... Тут важно, чтобы люди помогали друг другу и друг у друга учились.

Я не выдержал:

– Значит, одному – нечего и пытаться? Изготовить оружие... тот же автомат? Мне бы очень хотелось кое-что сделать...

С этими словами я протянул лейтенанту свою заветную тетрадку, в которой были первые наброски будущего пистолета-пулемета.

Он не усмехнулся, не стал иронизировать, а очень серьезно сказал:

– В одиночку трудно что-либо путное сделать, без помощников при изготовлении изделия все равно не обойтись. А вот разработать самостоятельно собственную конструкцию – можно. Тут тебе пример хороший – Токарев. Его пистолет-пулемет, его самозарядная винтовка СВТ, его пистолет ТТ – каждая конструкция – плод самостоятельной творческой работы.

С любопытством просматривая мою тетрадь лейтенант добавил:

– А вообще-то, должен сказать, и в оружейном деле наступило время перехода от кустарных методов конструирования к коллективному творчеству. Вой на вот мешает только. Конечно, такие сильные личности, как Токарев, еще многое могут сделать самостоятельно. Но, полагаю, при повсеместном переходе к автоматическому стрелковому оружию, при возрастающем усложнении его производства решающее слово будет за конструкторскими бюро. К твоему сведению, первое такое конструкторское бюро создал в двадцатые годы Федоров, книги которого, как я вижу, ты внимательно изучаешь.

– И вы знаете, кто с ним работал? В книге он об этом ничего не пишет.

– Еще время не пришло для такого рассказа. Но с кем в одной связке работал Федоров, можно хорошо проследить по образцам двадцатых

годов – ручному пулемету системы Федорова – Дегтярева, спаренному ручному пулемету системы Федорова – Шпагина и другим конструкциям. Дегтярев, Шпагин и многие другие изобретатели стали и учениками Федорова, и его единомышленниками, войдя в возглавляемое им конструкторское бюро.

Не мог я тогда себе и представить, что когда-нибудь судьба сведет меня с такими известными людьми, как Ф. В. Токарев, В. А. Дегтярев, Г. С. Шпагин. А пока что, примостившись где-нибудь в палате или коридоре госпиталя, я с помощью карандаша и бумаги в беседах с лейтенантом-десантником «разбирал» на части известные мне системы наших оружейников, познавал их конструкторское мышление. Пытался, насколько было возможно, найти какой-то свой путь к созданию нового образца пистолета-пулемета.

Той информации, что черпал из книг, из разговоров с лейтенантом, явно было недостаточно, хотя и прибавляло знаний. Очень хотелось на практике проверить свои конструкторские замыслы, выполнить задуманное в металле.

Уже больше месяца я находился в госпитале, но раны заживали медленно, а рука действовала плохо. Сделав все, что было в их силах, доктора приняли решение: из госпиталя меня выписать и отправить на несколько месяцев в отпуск по ранению. Долечиваться в тылу...

Признаться, такого я не ожидал. Это решение казалось мне обидным, так как не отвечало требованиям военного времени!

Но врачи остались неумолимы: необходимо длительное лечение плеча, восстановление работоспособности руки.

Получив отпускной билет, собрал свои немудреные солдатские пожитки, бережно завернул в газету заветную тетрадку со своими записями об оружии и «чертежами» – эскизами.

Уезжал я в отпуск на свою родину, в Алтайский край. Провожая меня, лейтенант-десантник прошел вместе со мной до конца коридора на костылях. Прощаясь, он по-отечески обнял меня за плечи:

– Не горюй, Миша, что на фронт не отпустили. Еще навоюешься. Вернешься на фронт, – и дружески подмигнул. – Да со своим оружием, а?.. Вот и доводи его до ума. А землякам твоим привет. Передашь?

Не передал.

Потому что до Курьи не доехал.

Пистолет-пулемет Матай-1942 г.

Поезд шел на восток. Мой путь в родные края на Алтай я решил совершить через Казахстан – через те самые места, откуда в 1938 году был призван в Красную Армию.

Сидя в душном, битком набитом вагоне, я смотрел в мутное от паровозной сажи и грязи окно, за которым разворачивался угрюмый зимний пейзаж, и размышлял об устройстве будущего пистолета-пулемета, о его воплощении в металл. Я совершенно не знал – как это делать, с чего начать, где работать над ним? Мне очень хотелось

посоветоваться с теми, с кем я познакомился и подружился в паровозном депо станции Матай – со специалистами...

В какой-то момент почувствовал, что сидящие на нашей полке солдаты стали уплотняться. Меня сдавили так, что боль в плече стала невыносимой, но я не смог даже пошевелиться. И тут увидел, что место освобождали для стоявшего в проходе слепого гармониста. Он явно был тоже из госпиталя: выдавшая виды солдатская одежда, черные очки на обросшем исхудалом лице.

Устроившись на углу скамейки, он растянул гармошку и начал хрипло выкрикивать – с болью и горечью:

Немцы дошли до Смоленска!

Идут – и конца не видать!

*А русский солдат из окопа –
с винтовкой...*

Внезапно гармошка смолкла, а он повторял одно и то же – все выразительней, все тоскливей, все безысходней: с винтовкой!.. с винтовкай!.. с вин-товка-ай!

Из-под очков у него текли слезы, а в голосе слышалась такая смертельная обида! Гармошка все молчала, а он опять сквозь рыданья прокричал:

с вин-то-ов-ка-ай-й!

И тут, наконец, гармошка сначала всхлипнула, а потом набрала какой-то неведомой грозной силы. Голос слепого солдата тоже налился ненавистью и гневом, и он выругался:

Поп-пались, т-туды т-твою...

Рядом завздохали, заговорили, заерзали, а я смотрел в окно ничего не видящими от какой-то общей великой обиды глазами и вслушивался в колесный перестук, пытаюсь уловить в нем что-то очень знакомое. Наконец, различил: «Матай!.. Матай!.. Матай!»

Паровозное депо в Казахстане... Там меня научили всему тому, что потом так пригодилось в армии. Там мои старые товарищи, там друзья-мастера... да еще какие умельцы! Только они и поймут, и помогут справиться с той почти непосильной задачей, которую я перед собой поставил.

«Матай!.. Матай!.. Матай!» – настукивали колеса.

Лучший вариант для меня? Или вообще – единственная возможность?..

Конечно, очень мне хотелось побывать и на Алтае, в Курье, увидеть своих сестер, узнать, как там мама, отчим, как братья, где они?.. Наверняка они тоже на фронте. Живы ли? Но до Курьи тогда я так и не доехал...

Чем ближе подходил поезд к станции Матай, тем больше крепла во мне уверенность работать над пистолетом-пулеметом именно там.

Сразу же с поезда я направился к начальнику железнодорожного депо. По счастливому совпадению он оказался моим однофамильцем. Был он на первый взгляд человеком довольно неприветливым, хмурым, с красными от недосыпания глазами. Меня, поначалу, даже робость

охватила. Ну, думаю, приехал зря!.. Да и сам я выглядел не очень-то внушительно: худой, в помятой в дороге солдатской шинели, с перебинтованной рукой на перевязи, с тощим вещмешком за плечом. По-солдатски представившись, я протянул ему свои документы и срывающимся от волнения голосом выпалил свою просьбу: оказать незамедлительную помощь в создании макетного образца задуманного мною в госпитале пистолета-пулемета.

Естественно, Калашников-начальник был очень удивлен – почему же я пришел именно к нему, в паровозное депо? Узнав, что я работал здесь до призыва в армию, он как-то сразу «подобрел»: по-отечески усадил меня на стул и начал расспрашивать о фронтовых делах, о моем ранении, о госпитале. Мне даже показалось, что в его голосе промелькнули особенные отцовские нотки. Помню, с каким воодушевлением и с какой надеждой на понимание я принялся рассказывать о своем дерзком замысле, листая на столе перед ним заветную тетрадку с рисунками будущего оружия. Чувствую, моя идея постепенно его захватывает, а мой напор не оставляет времени для того, чтобы обосновать отказ. И вот он уже вздыхает: и тяжело, и вместе с тем с облегчением. Как человек, уже принявший непростое решение:

– А где же я тебе людей все-таки возьму? Многие у нас прямо в цехах на верстаках ночуют, на паровозах – чтобы время на дорогу домой не тратить. У самого у тебя только одна рука рабочая. Выход один: помогать тебе, не отрывая людей от основного дела. Но тут уж нам надо поговорить с людьми: кто и чем может быть полезен.

Как я сейчас понимаю, по меркам военного времени такое отношение к моей идее было настоящим подвигом. В жестокое, суровое время разрешить в мастерских депо делать «секретное» оружие?.. Как же я был благодарен своему однофамильцу!..

Решили с Калашниковым- начальником, что в опытную группу необходимо ввести слесаря-сборщика, токаря-фрезеровщика, электрогазосварщика, испытателя. Мне казалось, такого количества людей будет достаточно для работы над образцом. Я считал, что техническую, инженерную сторону дела выполню сам. Это была наивность человека, еще не отдававшего себе отчета в том, насколько сложна, трудна именно та часть, которая называется у конструкторов отработкой чертежей.

После беседы с начальником депо я представился районному военкому и доложил о цели моего приезда. И, на мое счастье, он одобрил наши действия!

26

А в 1928–1931 годах в СССР началось массовое «раскулачивание» и выселение «кулаков» на сибирский север. В самой Курье тогда была раскулачена и выслана половина крестьянских семей. В 1930 году «актив» и комсомольцы села пришли и в дом Тимофея Калашникова. Имущество, дом, земельный участок были отобраны, скот прирезали тут же во дворе.

Две старшие сестры Михаила — Агафья и Анна уже создали свои семьи и поэтому остались в Курье. Выселению подлежал и старший сын, семейный Виктор, однако, у него только что родился сын, и он спрятался на время у добрых людей. Позже его арестовали, осудили как члена «кулацкой семьи» и направили на три года на строительство Беломорканала. Виктор пробыл там 7 лет, поскольку трижды пытался бежать и с каждым разом прибавлял себе срок.

Остальное семейство в начале зимы, вместе с малыми детьми (старшему Ивану — 16 лет, школьники — Василий и Михаил, младшему Коле — 4 года) отправили на спецпоселение в таёжную Сибирь, на необжитые места, в деревню Нижняя Моховая (в то время Нарымский округ Чаинского района, ныне Бакчарский район, в 15 км от села Парбиг).

От станции Тайга до Бакчарского района они шли пешком. Жили переселенцы поначалу в бараках, расчищали в лесу делянки для поселения, разрабатывали целину под огороды, надеялись на охоту и рыбалку, грибы-ягоды и орехи.

Отец Михаила, Тимофей Александрович, умер в первый же год ссылки, в метельном декабре, от туберкулеза. Мать вышла замуж за вдовца с двумя детьми. Отчим Михаила Калашникова, Косач Ефрем Никитович, также был ссыльным, говорил по-украински.